

Завен Мёртвых

Официальные публикации
Армии Р'льеха

كتاب ٦
d₂

Китаб D₂VI. Мифоистория
писаний Альяха

Оригинальное арабское название — كتاب العزيز ف (Китаб Аль-Азиф, Книга Грядущего),
в греческом переводе использовалось название Некровоцков (Некрономикон, Завет Мёртвых),
один из латинских вариантов названия — Grimoirium Imperium (Гримоирум Империум, Могущественный гримуар).

Русский перевод основной части текста с древнегреческого выполнен Анной Нэнси Оуэн (<http://tkihi.narod.ru>)

по фотокопиям рукописи Феодора Филета (пер. с араб.),

любезно предоставленным Верховным Неназываемым Жрецом культа Ктулху Зохаваит Фсех.

Переводы отдельных фрагментов производились также с английского, испанского, итальянского,

латинского, коптского, шумерского, аккадского, енохианского и югготского языков.

Текст вычитан и одобрен Иерархами культа Ктулху Зохаваит Фсех.

Редактор-составитель и литературный редактор — Элиас Ньярлатхотеп Отис (Fr. Nyarlathotep Otis),

жрец-архивариус Армии Р'льеха (внутреннего круга культа), 2009 г.

2-я редакция, с исправлениями и дополнениями, 2011-2012 гг.

Воспроизведение и тиражирование всего издания и его фрагментов любыми доступными способами
не только не запрещается, но и приветствуется.

Мифоистория писаний Альяха

Часть I. Введение в магию Древних

1. Многообразие систем магии Древних

Среди почитателей Древних нет теологического, идеологического, ритуального и литургического единства, и это хорошо. Писания Древних — не догма, и в этом кардинальное отличие отношения к Священным писаниям в традиции Древних и в авраамических религиях. Если приверженцы христианства, ислама, иудаизма, в лучшем случае, пытаются решить, какие из положений Писания должно понимать буквально, а какие аллегорически, то культист Древних понимает: никто — и менее всего Древние — не принесёт ему Абсолютную Истину на тарелочке с голубой каёмочкой, всё, на что может рассчитывать Искатель — это намёки, и от того, как он сможет их прочесть, зависит его продвижение на Пути. Ни один текст о Древних, сколь бы он ни казался неправдоподобным или поддельным, несерьёзным или пафосным, не может быть написан без вдохновения Древних (во всяком случае, чем это представление хуже мысли о том, что божество лично выслушивает каждую молитву своего почитателя или учитывает каждый волос на голове каждого существа, наделённого шевелюрой?). Проблема лишь в том, чтобы адекватно интерпретировать эти намёки, ничего не принимая на веру, но всё подвергая сомнению и пропуская через себя. Ложь, а порою и откровенная шутка, прошедшие через разум и чувства адепта, способны принести ему куда больше, чем даже самая истинная истина, тупо заученная и слепо повторённая.

От личных взглядов и предпочтений культистов зависит, прежде всего, то, какие произведения «наследия Древних» используются в качестве сакральных текстов, какие традиции воспринимаются в качестве исторически и идейно близких, и, как следствие, какие магические, мантические и медитативные практики используются, какие ставятся цели, какие средства считаются допустимыми для их реализации. В русскоязычной

среде наибольшей популярностью пользуются а) **Некрономикон Симона**, эксплуатирующий образы шумеро-аккадской мифологии, б) **восходящие непосредственно к Лавкрафту и Дерлету** Некрономиконы Уилсона, Рипеля и примыкающие к ним тексты (прежде всего, Текст Р'льеха), в) система **Grimoirum Imperium / Liber Arcanum** и г) тексты, появившиеся впервые в открытом доступе на русском языке благодаря усилиям анонимной группы под названием А.М.С.Vendetta (прежде всего, Книга Дагона, Тайны Червя и «Сокровенные культы», которые вместе можно обозначить как **писания Альяха**). Существует также ряд компиляций, включающих в большей или меньшей степени согласованные фрагменты этих писаний, среди которых отдельно стоит отметить д) **Проект «Некрономикон»**, е) **«Некрономикон Джона Ди» («Книга Закона Мёртвых»)** и ё) **Некрономикон под редакцией Джозефа Тэлбета**; ж) **Некрономикон Тайсона**, содержащий немало полезных и интересных сведений о Древних, всё же признаётся большинством культистов «слишком художественным». Из заведомо современных, не претендующих на преемственность непосредственно от древних писаний текстов следует особенно выделить з) **Книгу Трёх Владык Альяха**, основанную на переводах А.М.С.Vendetta и примыкающую к системе писаний Альяха, и) книгу **«Осколки Иного»**, представляющую собой своего рода современный ченнелинг с Древними, и й) **«Путь в Неберу»**, в котором собраны как фрагменты аутентичных шумеро-аккадских писаний, сближающиеся с Некрономиконом Симона, так и авторские ритуалы и откровения, порою имеющие мало отношения к Древним. Каждый из этих трактатов можно считать самостоятельной системой в рамках культа Древних. Своеобразную эклектичную систему разрабатывают также к) **Baltasar и Manira**. Отдельно можно упомянуть также систему л) **Тифонианского Ордена Кеннета Гранта**, представляющую собой соединение учения Телемы, лавкрафтианской традиции и, отчасти, Магии Хаоса. Другие тексты наследия Древних (и обозначенные как старинные рукописи, и представляющие собой личные наработки современных адептов), как правило, не рассматриваются как самостоятельные системы, а используются вместе с тем или иным блоком основных писаний.

Сторонники тех или иных текстов предпринимают немало усилий, чтобы доказать (увы, не слишком убедительно) истинность собственного священного свода и, что

ещё хуже, опровергнуть (ещё менее убедительно) сакральность тех текстов наследия, которые ими по тем или иным причинам не признаются. При этом звучащие чаще всего претензии касаются не наличия в текстах действительных неразрешимых противоречий с данными академической науки, не идейно чуждых традиции Древних взглядов, а наличия в них параллелей с системами, воспринимаемыми как «чужеродные» (чаще всего, разумеется, если это параллели с околосасанскими или околосудейскими традициями — все мы прекрасно понимаем, кто «выпил воду в кране» ☺), либо, чаще, личностных или биографических особенностей компилятора («Мудрецы обсуждают идеи, люди умные — события, глупцы обсуждают других людей»). Такие «критики» стараются лепить из Древних по образу и подобию своему, либо обеляя их образы, изымая из них всё жестокое, бесчеловечное, чуждое, лживое, приписывая всё понастоящему отвратительное и отпугивающее кому-то другому, но не Древним (а то и сотворяя из иных Древних благообразных «Старших» и почитая эти кастрированные образы), либо же, напротив, смакуя разрушение, человеческие жертвоприношения, кровь, слизь и испражнения, эпатируя и играя на стереотипах окружающих — и тем самым уподобляясь им самим. Столь знакомая картина! Сколь многие сильные, по настоящему великие исторические личности испытали на себе подобное отношение своих врагов и, что ещё неприятнее, поклонников! Был ли демоном Алистер Кроули? Арудж Барбаросса? Никколо Макиавелли? Был ли ангелом Муаммар Каддафи? Игнатий Лойола? Карл Великий? Конечно же, нет, они были просто людьми, следующими зову Древних в своём сердце и потому такими же многоликими, как и они. Священное писание для настоящего почитателя Древних — не повод для священных войн. «Абсолютные Истины» — продукт двойственности мышления «общечеловеков», взлелеянный тысячами тоталитарных авраамических идеологий. Тот культист, который не находит в себе сил для насмешки над писанием и Древними, для использования их в собственных целях, для трактовки их так, как того желает он сам, а не другой культист; тот культист, который не может посмеяться над комиксами Гуми и манифестом Кльта КЗФ, который не находит в себе силы попрасть старые писания, плюнуть в них и переписать их заново в соответствии со своей Волей, — не достоин звания почитателя Древних и будет пожран Ктулху в тот день, когда звёзды станут верно.

2. Система Завета Мёртвых

Система Завета Мёртвых представляет собой попытку встать над противоречиями между различными упомянутыми выше системами почитания Древних. Часть этих противоречий легко объясняется уже названной многоликостью самих Древних. Причисленная к Амеша-Анхра Шуб-Ниггурат, соперничающая с причисленной к Амеша-Спента Иштар, Нуг (Мардук) — Древний, принявший сторону Старших, двуединые Ллойгор и Цхар, лики Ньярлатхотепа и Мардука, Шамаш (в новой редакции — Диабакка), отнесённый в Некрономиконе Симона к Старшим, а в Завете Мёртвых — к Древним, Гибил-Гишбар-Гирра, представленный то как лик Мардука, то как одна из ипостасей Ктугхи, — всё это кажется совершенно невообразимым смертному, но это всего лишь слова, пытающиеся хоть как-нибудь близко к сути передать происходящее в царстве Хаоса, персонификациями которого и мыслятся Древние. Другие противоречия — это противоречия человека, в коем течёт кровь Ихтонха-Кингу, одного из Древних. Абдулла аль-Хазраджи и другие Пророки не глаголют Истину, они всего лишь пытаются в меру своего человеческого понимания донести до других сыновей Адама и дочерей Хаввы то, к чему смогли прикоснуться. Как и прочие человеческие создания, пророки могут ошибаться, сомневаться, лгать, вводить в заблуждение, менять своё мнение или своё отношение к кому-то или чему-то, могут скрывать что-то от других, могут использовать образы, понятные им самим или ближайшему кругу их общения, но недоступные пониманию остальных, и, наконец, могут быть превратно поняты потомками. Ещё один источник противоречий — многочисленные переводы, переписывания, пересказывания первоисточников, порою в отрыве от контекста, и если первые противоречия, вызванные органическими особенностями своих человеческих и нечеловеческих источников, остаётся только принять как данность и как объект бдительной медитации, то такие ошибки и анахронизмы мы старались по мере возможности устранять, пользуясь как материальными параллельными источниками, так и прямым обращением к Древним в меру нашей оккультной подготовки.

Работа над системой Завета Мёртвых начата нами, прежде всего, для того, чтобы из множества версий о том, что такое есть Древние и чем может обернуться контакт с ними, наибольшую «плотность» обрела та модель, которая, во-первых, предполагает необходимость разностороннего саморазвития адептов, во-вторых, позволяет (или, скорее, помогает) разрушать Матрицу — приверженность к эгрегорам, стереотипам и пр., ибо Древние — это Хаос, сражающийся против Мозгоклеюев — всего того персонифицированного и неперсонифицированного, что старается навести в мире идеальный, абсолютный, кристаллически мёртвый Порядок. Прошлое пластично, и одновременно существуют разные версии прошлого, но степень их существования неодинакова и зависит от детальности и внутренней непротиворечивости информации о той или иной версии прошлого. Поэтому, работая над системой Завета Мёртвых, биографиями пророков Древних и пр., мы укрепляем ту версию прошлого, которая ведёт к устраивающему нас будущему, причём это можно понимать и буквально (в духе квантовой физики или оккультизма — неважно), и метафорически (в том смысле, что литературные произведения способны оказывать влияние на людские умы и, соответственно, на создаваемое людьми будущее). В этой системе сведены к единым написаниям все имена, названия, термины, вычищены анахронизмы и явные ошибки переводов и сделано много чего ещё. На данный момент в систему включены (полностью или частично) материалы из следующих источников:

- Grimoirium Imperium;
- Liber Arcanum;
- Liber Logaeth (Liber Mysteriorum Sextus et Sanctus);
- Видение Яддита;
- Воззвания к Ктулху;
- Вызов шоггота;
- Заклятие Азатота;
- Заклятия ликов Мардука;
- Книга Дагона;
- Книга Йинг;

- Книга Ключа;
- Метафизика Лавкрафта;
- Некрономикон Дерлета;
- Некрономикон Десяти Углов;
- Некрономикон Рипеля;
- Некрономикон Симона;
- Некрономикон Тайсона;
- Некрономикон Уилсона;
- Обряд Йог-Сотота;
- Обряд призвания Йог-Сотота;
- Писание Магана;
- Писание Маклу;
- Писание Урилия;
- Пнакотические рукописи;
- Призывание шантаков;
- Проект «Некрономикон»;
- Раскрытие Ока Грезящего;
- Ритуалы Древних;
- Сатанинские ритуалы;
- Сказание о земле Мнар и о роке, пришедшем в Сарнат;
- Сновидения долины Пнакота;
- Софинером;
- Таблицы Акло;
- Таинства Неблюд;
- Тайны Червя;
- Текст Р'Льеха и некоторые другие;

учтены также многие прежние компиляции.

В той трактовке лавкрафтианского мифа, которой пользуемся мы в Завете Мёртвых, Древние — это одно из поколений богов, порождённое Старшими (то есть изначально-

ными и практически неперсонифицированными сущностями) и породившее, в свою очередь, Младших, или Земных богов — к которым относятся и боги существующих религий. Древние делятся на 3 группы: 3 Великих Внешних, 11 Великих Древних и 36 Малых Древних, из которых один имеет двойственную, близнецную природу. По мифологии Завета Мёртвых, это число — 50 — окончательно, других Древних нет, хотя у каждого из них может быть множество ипостасей. 50 Древних сведены в модель, аналогичную каббалистическому Древу Сфирот, но включающую не 32 (33, 35, 38), а 50 элементов (в мифоистории Некрономикона, именно эта модель в урезанном виде послужила основой иудейского каббализма). Следует помнить, что сущности, обозначенные в системе Завета Мёртвых как Старшие, Древние либо Младшие боги, являются таковыми только в рамках терминологии Завета Мёртвых, в терминологии же шумеро-аккадской мифологии, Некрономикона Симона и других текстов, использующих подобное разделение, их статус может быть совершенно иным.

Предполагается, что после войны со Старшими Древние «фхтагн» — находятся в состоянии, подобном сну или смерти, то есть лишены большей части своей силы, но способны воздействовать на разумных существ (включая Земных богов) в сновидениях, галлюцинациях, творческих озарениях и пр. Предполагается, что какая-то часть их силы может призываться определёнными методами и в определённые периоды в наш мир. Предполагается, что, «когда звёзды станут верно», они могут разрушить (возможно, с помощью разумных существ — в частности, людей, а может быть, в результате ожидающегося в относительно скором — по меркам Вселенной — будущем превращения в сверхновую звезды Бетельгейзе, где обитают Старшие) наложенные на них Старшими чары и пробудиться. Предполагается, что их пробуждение будет равнозначно Концу Света или же, наоборот, перерождению мира к чему-то более возвышенному, однако здесь, как и в других эсхатологических мифах, очень много трактовок, противоречащих друг другу. Основной момент в трактовке Завета Мёртвых — необходимость неким образом стать подобным Древними, что сделало бы возможным существование в мире вернувшихся Древних, причём это может трактоваться символически, эзотерически, хотя многие другие связанные с Древними системы настаивают на буквальном пришествии Древних и разрушении мира. Культ Ктулху Зохаваит Фсех (и, в частности,

его ударная группа Армия Р'льеха) использует также особый термин «зохав» — то есть поглощение Ктулху разума смертного, — причём особо оговаривается, что человек, не достигший определённого уровня развития, будет «зохаван со вкусом» — поглощён без сохранения разума, то есть станет пищей для червей и жуков-навозников, — тогда как в случае с адептом (прошедшим, можно сказать, Собеседование с Древним как со своим Священным Ангелом-Хранителем) зохав будет перерождением, соединением с Ктулху, обретением Вечности без потери индивидуальности. Впрочем, и для этого тезиса нет ничего худшего, чем быть принятым за религиозную догму...

3. Официальная позиция Армии Р'льеха

Кроме этого, Армия Р'льеха придерживается следующей официальной позиции по поводу «мифов Ктулху» (разумеется, «официальная позиция» ещё не значит ни того, что все члены Армии считают именно так, ни, тем более, того, что всё это достоверно известно, поскольку, как было сказано выше, Древние дают только намёки, а трактовать их культист может и должен самостоятельно):

1. С высокой долей вероятности можно сказать, что Лавкрафт (и его последователи) писал свои тексты на основе разрозненных источников по шумеро-аккадской, ассирийской, арабской и другим мифологиям (например, Ноденс — это Нуаду из кельтских мифов, Мать Гидра — из греческой, и т. д.), телемитских (Алистер Кроули), енохианских текстов (Джон Ди), а также собственных видений и представлений. Вероятно, в пределах его досягаемости находились и какие-то другие материалы, более тесно относящиеся к культу Древних (по всей видимости, среди них были и некоторые фрагменты Аль-Азиф).

2. Руководствуясь только библиографическими и археологическими данными, трудно отрицать, что подавляющее большинство текстов о Древних (включая самые известные) написано или, как минимум, скомпилировано в их существующем виде после Лавкрафта, на основе его книг и аутентичных источников, при этом разные составители руководствовались различными фрагментами: Симон в большей степени ориенти-

ровался на Месопотамию (причём у него смешаны разные периоды: от Шумера до Ассирии), Рипель — на Телему, Уилсон — на европейскую средневековую магию. Кроме того, как было сказано выше, все они имели и другой, «нематериальный» источник вдохновения, которым являются сами Древние, несущие человечеству через многочисленных продолжателей и «фальсификаторов» обрывки «истинных» представлений о Древних.

3. По всей видимости (об этом, например, говорил Идрис Шах в книге «Магия Востока»), все магические представления всех народов мира (включая магические элементы мировых религий) восходят к единому этническому источнику, который находился примерно в районе от Урала до Алтая и ближайшими цивилизованными наследниками которого, возможно, являются шумеры. Именно через эту взаимосвязь многие народы и могли унаследовать знания о Древних.

4. С достаточно высокой вероятностью можно сказать, что Liber Logaeth (не тот, который известен также как Некрономикон Уилсона, а енохианский текст Джона Ди) — один из немногих аутентичных (признанных академической наукой) текстов до Лавкрафта, содержащих имена Древних (в частности, Хастура и Йидры).

5. Прошлое пластично и подвластно изменению со стороны при помощи определённых магических практик. Поэтому если Альхазреда и не было в той линии времени, которая предшествовала Лавкрафту, сейчас он всё более обретает реальное прошлое.

6. Как следует из материалов, опубликованных в предисловии к первой редакции Завета Мёртвых, в распоряжении Армии Р'льеха имеется текст Аль-Азиф, гораздо более близкий к оригиналу (или к тому оригиналу, какой мог бы быть в альтернативном прошлом, где Древние и Альхазред — реальность), чем имеющиеся версии. Подробную информацию о его происхождении и других материальных сторонах дела мы разглашать не вправе, заметим только, что его достоверность аналогична «кошке Шрёдингера» квантовой физики, что он — не статическая вещь, но динамический процесс, и что книга — только одно из его материальных проявлений.

7. Из практик, входящих в Некрономикон, реально работают (независимо от достоверности тех или иных моментов в «мифах Ктулху»), как минимум, те, которые относятся к т. н. сновидческим техникам. Одна из них — «Раскрытие ока грезящего», другая

связана с путешествием по лабиринтам Зин. Последняя была проверена редактором Завета Мёртвых на практике, что оказало значительное влияние на его дальнейшую работу в рамках традиции Древних.

8. Гораздо важнее не то, аутентичны ли источники, которыми мы пользуемся, а то, каким образом можно использовать их, причём, главным образом, не для достижения каких-либо материальных выгод, повелевания демонами и т. п., а для изменения некоторых элементов внутреннего, а в конце концов и окружающего мира адепта. Некрономикон — это оружие, и та магия, которая на самом деле осуществляется через него, имеет очень мало общего с теми ритуалами, которые в нём описаны. Оккультной Работой (естественно, не только в традиции Древних) мы стараемся видоизменить мир так, чтобы он стал ещё более интересен для нас и, возможно, ещё более близок к недостижимому и ненужному совершенству. Одна из главных целей Армии Р'льеха — борьба с тупостью, догматизмом, серостью и т. д., иначе говоря — с Мозгоклюями.

От себя также добавлю, что одно из первых моих самостоятельных, ещё детских, «астральных путешествий» (в кавычках — поскольку это словосочетание часто неверно толкуется) закончилось, можно сказать, встречей с Древним, и что Древние боги с 14 лет — то есть почти с самого начала моих занятий оккультизмом и задолго до того, как я познакомился с ними в произведениях Лавкрафта, Муркока и их последователей — фигурируют в моей личной мифоистории. Кроме того, не из Некрономикона, но в связи с Некрономиконом мною была успешно опробована «магия Йог-Сотота», то есть преобразование прошлого (хотя аналогичные техники я применял и прежде, пусть и в меньшей степени). Ньярлатхотеп гармонично вписался в мой личный Идам (Идам — это буддийская практика соотнесения себя с каким-либо божеством для получения некоторых его способностей, примерно то же самое, что в западной магической традиции называется «поиском Священного Ангела Хранителя»). Также одной из моих рабочих колод Таро является Таро Некрономикона, однако это больше связано с моей практикой как таролога и с моими исследованиями клипотических таблиц соответствий, чем непосредственно с традицией Древних. Всё вышесказанное не значит, что нельзя найти магии Древних другое применение. Например, лично я не занимаюсь церемониальной магией, но некоторые описанные там церемониальные практики, как мне кажется,

вполне могут сработать у человека, которому этот вид магии близок. В любом случае, хочу предупредить сразу о двух вещах по магии Некрономикона: во-первых, главные опасности его находятся не там, где утверждает он сам, а в том, чтобы не потерять связи с реальным миром, а во-вторых, творческий подход к магии Древних (как и к магии вообще) гораздо важнее, чем точное соблюдение всех начертаний, заклинаний и последовательности в ритуале.

4. Об исправлениях и полномочиях

Из всего вышесказанного, полагаю, должен быть понятен и ответ на те претензии, которые мне высказывают чаще всего мои, казалось бы, собраты по крови Кингу:

- 1) Кто я такой, чтобы «исправлять» «канонические» тексты наследия Древних?
- 2) Почему те, кого принято считать Старшими, в системе Завета Мёртвых оказываются Древними?
- 3) Откуда беру я «свои» версии печатей и заклинаний, отличные от «общепринятых», и почему меняю одни имена на другие?
- 4) Зачем я работаю с заведомо «подложными» текстами, искажающими «истинное» понимание традиции Древних, и как я посмел «соединять» Некрономикон Уилсона (или другой текст) с Некрономиконом Симона (или другим текстом)?
- 5) Почему Древний Культ Альяха я именую «лавкрафтианской мифологией» или «мифом Ктулху»?

Если же остались ещё какие-то сомнения на этот счёт, подытожу сказанное и отвечу более конкретно.

1. Я ни много ни мало как добросовестный исследователь, которому интереснее дух, а не буква лавкрафтианского мифа, и который, в силу своего понимания Древних, стремится выстроить последовательную и непротиворечивую систему, вместо того чтобы принимать за непререкаемую догму прежние писания, игнорируя многочисленные

присутствующие в них нестыковки и анахронизмы. Кроме того, я практикующий уже около 20 лет оккультист, чья жизнь и практика то в большей, то в меньшей степени касается тех сущностей, которые с некоторыми допущениями можно назвать Древними. Наконец, я человек, не пытающийся противопоставить оккультную модель и оккультную практику ни логике, ни академической науке, — и потому, обнаружив противоречия, пытающийся подстраивать модель под факты, а не наоборот. Могу добавить, что я Длань и Уста Ньярлатхотепа в этом мире, но тут у каждого будут серьёзные основания усомниться в моих словах; впрочем, не претендует ли кто-то из тех, кто упрекает меня в «искажении» учения Древних, на ещё бóльшие полномочия, и сможет ли он как-то подтвердить их?

2. Древние, кем бы они ни были, многолики. Какие-то из этих ликов могут показаться человеку «благими», какие-то — «злыми», губительными. Это наши личные трактовки и интерпретации, имеющие столь же мало отношения к действительности, как представление о том, что Солнце, сжигающее посевы, и Солнце, дарящее им свет для фотосинтеза — два разных Солнца. Старшие, Древние — всего лишь слова, которыми в системах, связанных с лавкрафтианской мифологией, принято обозначать некие могущественные сущности практически непостижимой природы. Завет Мёртвых — самодостаточная мифологическая и оккультная система, в рамках которой Старшие называются Старшими, а Древние — Древними, одно понятие не подменяет другого. Считать, что те или иные сущности «на самом деле» должны носить другое наименование — всё равно что утверждать, что язычники не могут называть своих богов богами, на том основании, что в исламе бог один, — или, того хуже, притязать на то, что Шамаш явился лично и сказал за чашечкой чая, что он Старший, а не Древний. Шамаш Завета Мёртвых — Древний, Шамаш Симона — Старший, Шамаш шумеров, скорее, один из Младших богов, а шамаш иудеев — всего лишь один из светильников в составе ханукии. (Тут можно сказать и о работах вроде этой: http://templesatan.com/ow_userfiles/plugins/forum/attachment_167_4f2e729eeaf10.pdf. В ней и в ей подобных о системе Завета Мёртвых говорится не иначе как о «необоснованной», «бездумной», «не заслуживающей доверия», «совершенно не рабочей», «составленной профанами» и... «комки силы [!!! не вру! N.O.] заперты, включаются совсем дру-

гие сферы». Не буду требовать аргументации посерьёзнее чем «проверьте печать и убедитесь», замечу лишь одно: в магии нет нерабочих инструментов, есть лишь неправильное их применение. Ну, и неумелые маги.)

3. В различных системах у одних и тех же Древних оказываются разные печати, иногда похожие между собой, иногда совершенно разные. Как добросовестный исследователь, я стараюсь выбрать из разных печатей ту, которая наиболее сочетается с другими печатями той же группы. Также часто удаётся обнаружить в изображениях явные анахронизмы. При наличии печати в рукописях Библиотеки аль-Хазраджи я использую приведённый в них вариант, если только он не содержит анахронизмов, появившихся при переводах или перерисовках. Оккультными методами (прежде всего сновидческими практиками, медитациями на образы Древних, различными методами сигилизации и другими способами выхода с ними «на связь») я уточняю и дополняю своё понимание печати. Аналогично (через сочетание научного — в данном случае лингвистического — исследования и оккультной практики) я работаю и с заклинаниями. Что же касается божественных имён, то составленные мною таблицы соответствий по 50 ключам Каббалы Древних позволяют отождествлять различные имена Древних с одним из 50 имён, выбранных нами в качестве базовых и составляющих своего рода аксиоматику системы Завета Мёртвых. В некоторых случаях одно и то же имя (обычно — имеющее значение титула, атрибута или ипостаси) может принадлежать и разным Древним, в подобных случаях проводится подробное исследование контекста и оккультное исследование вызвавшего затруднение фрагмента. Разумеется, нельзя говорить о том, что система Завета Мёртвых «единственно верная», это всего лишь модель, как и прочие, но мы постарались добиться в ней наибольшей целостности, ясности, удобства и непротиворечивости.

4. Как было отмечено выше, ни один текст, упоминающий Древних, не приходит в этот мир без вдохновения Древних. Следовательно, как бы ни старался некий «фальсификатор» создать какой-то собственный, искажающий «истинные» представления о Древних текст, результат его трудов будет всё же нести некую «истинную» информацию о Древних, — и, возможно, «истинным» окажется именно то, что более всего старался «исказить» автор. Как нет универсальной и абсолютной истины, так нельзя и

взвесить «истинность» одного текста наследия Древних по отношению к другому. Поэтому цель культиста — не отвергнуть один текст ради другого, а постараться найти способ увязать в своей голове и в своём сердце оба этих текста, как бы ни казались они противоречащими один другому. Система Завета Мёртвых не находит такой «единственно верный» способ за другого, она лишь позволяет своими глазами увидеть, что все противоречия книги, как правило, находятся в голове читателя, а не автора.

5. Миф — это не сказка, хотя и в сказке есть многое от мифа. Миф — это попытка перешагнуть через ограничения, накладываемые на нас речью, это попытка воплотить в слово непередаваемые словами архетипы. Мифы Ктулху — это не значит «байки о сказочном персонаже по имени Ктулху», это, прежде всего, тот архетипический пласт, который, как убеждены культисты, приходит к человеку через образ Ктулху. Ктулху мыслится как Жрец Древних (а значит — сам не совсем как Древний), и в то же время как Древний и как создатель людей. Его *фхтагн* разум навевает образы чувствительным к его Зову людям, посему все тексты о Древних не просто вдохновлены Древними — они ктулхудохновенны. В Каббале Древних он соответствует сфере Малкут (вернее, её клипотической форме), служа, таким образом, рукой (или, быть может, тентаклем) Древних в проявленном, материальном мире. Говоря же о «лавкрафтианской мифологии», мы отдаём дань почтения Пророку, который сделал знание о Древних достоянием широкой общественности. Зороастриец поклоняется Ахура-Мазде, а не Заратуштре, и дарвинизм говорит не о происхождении Дарвина, а об эволюции всего живого. Термин же «Культ Альяха» акцентирует внимание, прежде всего, на более поздней системе почитания Древних, пришедшей к нам через А.М.С.Vendetta, оставляя за своими рамками и Путь в Неберу, и Некрономикон Симона, и Grimoirum Imperium, и многое другое. Впрочем, мы, воины Армии Р'льеха, употребляем и другое слово, обозначающее всех культистов Ктулху — ктулхуисты. Жаль только, что фильтры некоторых форумов ставят в этом названии звёздочки на самом интересном месте...

5. Особенности 2-й редакции Завета Мёртвых

Хотя основное во второй редакции Завета Мёртвых — это включение в его систему текстов Аляха (прежде всего Книги Дагона и Тайн Червя) и настоящей вступительной статьи, в ней присутствуют и другие отличия от первой редакции. Ограничимся их простым перечислением.

1. Включение в систему Завета Мёртвых ряда новопереведённых фрагментов, в том числе Книги Земли Маганской, Книги Племян, Книги Дагона, Книги Воззваний, Книги Чёрной Скрижали, Книги Ключей Аляха, Книги Й'иг-Голонака, Книги Мерзостей (последние 5 входят в состав Тайн Червя), Книги Изгнаний, нескольких новых сур в имевшиеся ранее книги, нескольких не переведившихся ранее фрагментов опубликованных сур.
2. Включение некоторых книг из числа Приложений категории А₁ (Книга Софинером, Книга Акло, Книга Йинг, Книга Пнакота, Книга Сновидений Долины Пнакота, Книга Пятидесяти, Книга Фраваши, Книга Священной Лжи, Книга Откровения) в общую последовательность нумерации книг.
3. Исправление ряда ошибок и неточностей прошлой редакции.
4. Внесение некоторых изменений и дополнений в таблицы соответствий.

Если основной задачей первой редакции было ознакомление с мифоисторической и практической составляющей системы (в связи с чем переводились, прежде всего, те книги и разделы, которые сохранились в относительно полном виде), то главная задача второй редакции — построение связного канона лавкрафтианских текстов.

Часть II. Книга Дагона

1. О датировке

Первый вопрос, который напрашивается при внимательном прочтении Книги Дагона — почему она называется именем божества, не упомянутого в ней. Книга Дагона является, по всей видимости, сборником легенд и заклинаний, написанных разными авторами и собранных жрецами Древней Ассирии в период со времён митаннийского владычества (XV в. до н. э.) до падения Ассирии (VII в. до н. э.). Сохранившийся список этого текста, написанный на пергаменте, предположительно находится в библиотеке Галльской конгрегации The Great Black Lodge. Этот список разделён на две части, именуемые «Al Nimlu Kirtag» («Красный Свиток») и «Al Shchera Kirtag» («Чёрный Свиток»). В первой части приведены некоторые оккультные рецепты, вторая повествует о похождениях царя т'Р'к-Саула (традиционно это имя передаётся как Ракасаул), правителя земли М'т (которую этнограф XIX в. Эмиль фон Юнтц ошибочно называл Мот и помещал в Центральную Америку), причём, хотя в современных изданиях Красный Свиток обычно публикуется перед Чёрным, для такого порядка нет серьёзных причин.

Согласно преданию, Ашшур, легендарный основатель Ассирийского царства и предок ассирийских правителей, даровал своему народу азбуку Убраш, построенную из 343 знаков. Со временем она была утрачена, поскольку отдельные символы использовались нечасто и только наиболее посвящёнными. Обычно жрецам требовалось около семидесяти знаков даже для создания очень сложных текстов и заклинательных формул. Они и составили основу азбуки Нахар, а прочие, начертание которых сильно упростилось, стали служить в качестве префиксов и знаков огласовки, уточняющих произношение букв, которых теперь было семьдесят две. Именно алфавитом Нахар и написан дошедший до нас список Книги Дагона.

Рукопись Книги была обнаружена голландцем Иеремией ван Меером, жившим во времена испанской оккупации Нидерландов (XVI в.) — одним из первых европейских оккультистов, известный своей приверженностью традициям Древних. Он выкрал ру-

копись во время странствий по Палестине у почитателей Дагона и, не обнаружив аутентичного заголовка (то ли не сохранившегося, то ли отсутствующего изначально), присвоил ему условное наименование «Книга Дагона». Латинский перевод, сделанный ван Меером с подлинника, хранился в библиотеке Виллема Лазаруса, генуэзского купца, и, в конце концов, попал вместе с подлинником в руки аббата Бартеlemi. В дальнейшем и подлинник, и перевод осели предположительно в Оксфорде, а затем и перешли к The Great Black Lodge, закрытой организации на манер масонских, в период понтификата Иоганна Келленхейма, в 1904 (по другим сведениям — в 1901) году.

Издательская группа A.M.C.Vendetta, ответственная за перевод латинского текста на русский, а затем и английский, неправомерно удревняет возраст рукописи в десять раз, утверждая, что «Алое Братство сегодня безуспешно пытается выдать [Книгу Дагона] за подделку времён позднего средневековья при помощи пропаганды, ведущейся подставными организациями, преследуя только одну цель — возбудить недоверие к действительно полезным сведениям из области Чёрной Практики» (заметим, что «позднее средневековье» — это как раз время возникновения латинского перевода). Основываясь на анализе материала и языка обнаруженного ван Меером списка, переводчики не без оснований доказывают, что рукопись могла быть сделана и раньше указанного Алым Братством периода. Действительно, то, что она написана на пергаменте, а не на глиняных табличках, не может служить «достойным аргументом для тех, кто пытается оспорить древнее происхождение книги». Как известно, таблички применялись в основном для записи деловых расчётов и подобных малозначительных сообщений, пергамент же мог использоваться шумерскими и ассирийскими жрецами «для нанесения магических знаков», а позднее мог приобрести сакральное значение, в связи с чем мог появиться запрет «изображать на данном материале какую-либо другую информацию, кроме магической». Но, конечно же, всё это ни коим образом не доказывает того, что списку или даже не сохранившемуся оригиналу больше четырёх, в лучшем случае шести тысяч лет.

Примечательно, что упоминаний Алого Братства (Scarlet Brotherhood) не встречается ни в каких других источниках, кроме как... в материалах по мирам игры «Dungeons & Dragons», где говорится, что Алое Братство — орден монахов, убийц и воров. Эта организация железной рукой правит обширными болотистыми территориями, практиче-

ски недоступными посторонним. Члены его поклоняются мёртвому богу Тариздуну, божеству вечной тьмы, распада, энтропии, безумия и холода. Тариздун был побеждён объединившимися против него другими богами, которые хотели избежать разрушения всего сущего, и заточён в особом потайном мире. Несмотря на заточение, Тариздун, подобно Древним лавкрафтианского пантеона, всё ещё обладает частью своей прежней силы. Священный символ Тариздуна — тёмная спиральная руна и перевернутый зикурат, а его священное число — 333. Члены Братства верят, что с его приходом наступит Конец Света. Пока этого не происходит, они в промышленных масштабах занимаются поднятием мёртвых.

Очевидно, что образ Алого Братства был взят разработчиками «Dungeons & Dragons» именно с одного из обществ, почитающих Древних. Менее очевиден, хотя и сам собой напрашивается вывод о том, что упоминание этой организации в предисловии к Книге Дагона — своего рода «пасхальное яйцо», скрытая шутка издателей, желающих придать своей датировке большую весомость, противопоставив её датировке заведомо вымышленного Братства. Тщательный анализ приведённых в переводе Книги Дагона дат и имён ассирийского происхождения явственно показывает, что — скорее намеренно, чем случайно — все века были заменены на тысячелетия (разумеется, ни о какой Ассирии и вообще ни о какой государственности на территории Междуречья в XV тысячелетии до нашей эры не может быть и речи). Всего в издании A.M.C.Vendetta тысячелетие упоминается трижды:

1. В предисловии говорится, что Книга Дагона написана в XV тыс. до н. э. XV век до н.э. — это начало Среднеассирийского периода и, в частности, время, когда Ассирия попала в зависимость Митанни (М'т), что хорошо сочетается и с другими сведениями, прежде всего — с приведённой в Чёрном Свитке биографией т'Р'к-Саула, царя М'т, перекликающейся во многом с преданиями об основателе царской династии Митанни Кирте (т'Р'к = К'рт'), а также с именами упомянутых в рукописи ассирийских царей.

2. В комментарии к 1 стиху главы «Ключ Ашшахвата» говорится, что «времена завоевателей Думешаса» — это «эпоха покорения народа фэрзов, происходящих от смешения представителей белой и жёлтой расы (по дневникам фон Юнтца — примерно 39 тыс. до н. э., по “Бестиолатрии” аббата Бартелеми — 40 тыс. до н.э., в правление Этера,

который был вторым царём Ассирии после самого Ашшура)». О подобных событиях даже в период XL-XXXIX в. до н. э. ничего не известно, однако если учесть, что первые города-государства в Месопотамии стали появляться как раз в IV тыс. до н. э., а «фэрзы» — это, скорее всего, «персы» (в данном случае — представители праиндоевропейских народов, в противоположность шумерским и семитским обитателям Междуречья, к которым принадлежали и авторы Книги Дагона), — то и здесь возраст увеличен примерно (а при уровне исторической науки времён Бартелеми и даже фон Юнтца — можно сказать что и ровно) в 10 раз.

3. Главу «Святылище Экваббу (Даолота)» A.M.C.Vendetta датирует VII тыс. до н. э. VII век до н. э. — последний век существования Ассирийского царства, причём именно в это время Ассирия распространяет своё влияние далеко за пределы Месопотамии, а также ведёт регулярные войны с Вавилонией, на границе с которой и расположены развалины упомянутого в этой главе шумерского города Умма.

Любопытно, кстати, что некоторые исследователи применяют такой же ключ — деление на 10 — и к истории Атлантиды: <http://www.grazhdane.ru/science/istorija/1110/>

2. Кирта, царь Митанни

Другой источник датировки Книги Дагона — упомянутые в рукописи события и имена правителей. Как уже отмечалось выше, т-Р'к-Саул, царь земли М'т — это, конечно же, Кирта, царь Митанни, живший, согласно преданиям, в середине XVI века до н. э. (то есть всего за век до предположительной датировки самых ранних частей Книги Дагона). Кирта считается основателем династии Митанни. Надписей от его правления не сохранилось, и, за исключением того, что он являлся отцом следующего царя Митанни Шуттарны I, больше о нём из исторических хроник ничего не известно. Однако сохранилась любопытная легенда, записанная на глиняной табличке, происходящей из Угарита. Она рассказывает историю о почти полном вымирании царской династии Кирты. Все его дети умерли, «усопла» и его жена (о том, что, как рассказывается в Книге Дагона, он сам принёс их в жертву богине Йтакуа, легенда умалчивает). Во сне бог Эль (в

рукописи — либо «призрак», либо «Сапнурасах»; как известно, «эль» изначально — это всего лишь титул, «бог», а не имя собственное) поручает ему обратиться за помощью к богу дождя Баалу (согласно Книге Дагона — к Абхоту, Господу Зыбкого Тумана — тоже «метеорологическому» божеству) и затем пуститься в путь, чтобы найти новую жену (другие подробности беседы, приведённые в Книге, легенда опускает). Так (здесь сюжетная линия выходит за пределы Чёрного Свитка) он пришёл в храм богини-матери Ашеры (Шуб-Ниггурат). Он обещает дать в храм приношение в виде золотой статуи богини, если она поможет найти ему жену. Кирта находит жену, и она рождает ему несколько детей, но он забывает о своём обещании Ашере. Ашера карает Кирту изнурительной болезнью, но Эль вновь приходит ему на помощь. Его дети счастливы видеть его на престоле, но его старший сын, Яссиб, приобрёл популярность за то время, когда Кирта был болен, и попытался оттеснить его от трона. Кирта проклинает Яссиба, но на этом текст заканчивается, известно лишь, что царём после Кирты становится не Яссиб, а Шуттарна, другой его сын.

Из всего сказанного очевидно, что Чёрный Свиток (глава «О Йтакуа, царице змиев») не мог быть написан ранее середина XVI века до н. э. Поскольку в целом Книга Дагона ассирийского, а не митаннийского происхождения, можно с высокой долей уверенности сказать, что время написания — ещё, как минимум, на век позже, когда Ассирия попала в зависимость к Митанни. Неясно, было ли изображение основателя митаннийской правящей династии демонопоклонником и детоубийцей намеренным его очернением со стороны патриотически настроенных ассирийских жрецов, пересказывали ли они какие-то известные им легенды или достоверные сведения или же в меру своего разума пытались изобразить Кирту истинным почитателем Древних, — однако само отождествление т'Ракасула и Кирты сомнения не вызывает, поэтому, как и в случаях с другими царями, исторические прообразы которых нам удалось восстановить, мы приводим его реконструированное по двум источникам имя — Кирта-Саул.

3. Ассирийские цари в Книге Дагона

Следующие два упомянутых в Книге Дагона правителя — это Киккия и Акия, второй и третий «оседлые» правители Ассирии. Эти имена не аккадского, а хурритского происхождения: древнеассирийская династия была, по всей видимости, субарейской. Имя Киккии, помимо ассирийского «Царского списка», упоминается в надписи Ашшур-рем-нишешу, согласно которой Киккия выстроил городские стены города Ашшура. Киккия, правивший либо ок. 2058-2042, либо ок. 1994-1978 до н. э., был преемником (возможно — сыном) Ушпии, первого ассирийского царя, упоминающегося, кроме «Царского списка», ещё и в надписи Салманасара I, согласно которой ему приписывается активная строительная деятельность (в частности, он основал «храм своему богу» — вероятно, Ашшуру). В свою очередь Ушпия был преемником Аплашала, последнего из 17 «царей, обитавших в шатрах», то есть вождей неоседлых скотоводческих племён, возводящих свой род непосредственно к Ашшуру. Поскольку Киккия и Акия названы вторым и третьим «Чёрным Солнцем» (то есть ассирийским правителем), ясно, что 17 царей прежней династии в нумерацию правителей не включены, поэтому упомянутый в главе «Святынище Экваббу» Семет-Ришаб, 46-й царь ассирийский, однозначно идентифицируется с Ашшур-раби I, правившим около 10 лет (приблизительно в 1472-1452 годах до н. э.) и знаменитым, прежде всего, тем, что освободил Ассирию от митаннийской гегемонии.

Кроме того, упомянутого в «Воззвании к Идхье» Бельтам-Ашшура Савасроха (точнее — Шавашруха) нам удалось сопоставить с Ашшур-убаллитом I (правил приблизительно в 1365-1329 годах до н. э.), также настроенным против Митанни. Он был современником египетского фараона-монотеиста Эхнатона и могущественного хеттского царя Суппилулиумы I. Ашшур-убаллит Шавашрух заключил дипломатические отношения с Египтом, рассчитывая найти опору против митаннийского царя Тушратты. Это вызвало недовольство не только в Митанни, но и в Вавилонии, которая сохраняла свои притязания на верховную власть в Ассирии, хотя фактически давно её не осуществляла. Ашшур-убаллит наряду с Суппилулиумой принял участие в сложной военно-

политической игре, имевшей целью разгром Митаннийской державы. Сначала он, по-видимому, выступил против Артадамы II как ставленника хеттов и касситов, а затем поддержал его и его сына Шуттарну III против нового протезе хеттов, сына Тушратты Шаттивассы. Шуттарна III даже вернул Ашшур-убаллиту ворота, украшенные золотом и серебром, захваченные в своё время в Ашшуре Сауссадаттаром. В результате этих военных действий почти вся территория бывшей державы Митанни была разделена между хеттами, ассирийцами и хурритским царством Алзи (или Алше, позднее Агдзник). Одновременно, видимо, именно Ашшур-убаллит отвоевал у Аррапхи важный район Кабары (или Кабры), подготовив тем самым последующий раздел Аррапхи между Ассирией и Вавилонией. Для укрепления северной границы своего царства Ашшур-убаллит предпринимал походы в верховья Тигра против беспокойных горных племён, обитавших там, а также покорил страну Мусру (Муцру), возможно, позднейший Муцацир.

Преследуя далеко идущие цели, Ашшур-убаллит вступил в союз с Вавилонией, который был закреплён династическим браком одного из сыновей царя касситов Бурна-Буриаша II с дочерью ассирийского царя Мубаллитат-Шеруа. Дружба с Вавилонией выражалась и в том, что в Ашшуре был выстроен специальный храм, посвящённый Нугу, одному из Древних, почитавшемуся в то время в Вавилоне под именем Мардук как верховное божество. После смерти Бурна-Буриаша Ашшур-убаллиту удалось посадить на престол Вавилона сына своей дочери Мубаллитат-Шеруа Караиндаша II, который, правда, был там вскоре свергнут и заменён касситским ставленником Назибугашем. Но влияния Ашшур-убаллита и тут оказалось достаточно, чтобы убрать этого претендента и утвердить на царствование в Вавилоне дядю своего внука, младшего сына Бурна-Буриаша Куригальзу II. Ашшур-убаллит называл египетского фараона своим «братом», подобно царям Вавилонии, Митанни или Хеттской державы, и стал впервые именовать себя «царём страны Ассирии» в официальной переписке и на печатях, хотя в торжественных надписях он довольствовался более скромным титулом «ишшиаккум» (правитель).

Любопытны в контексте ассиро-митаннийских отношений следующие строки из главы «Ключ Ашшахвата» (4-5): «Потом настали дни, когда правители Митанни с помощью силы [Чертога Ашшахвата] освободились от священного ига ассирийцев и под-

чинили Ашшур, хотя одна из скрижалей до сих пор хранится в святилище Нуга во граде Месхер». Академической истории, как уже отмечалось, известны периоды, когда Ассирия была в зависимости от Митанни, однако периодов, когда Митанни была под «священным игом ассирийцев», неизвестно. Поскольку подчинение Ашшура митаннийцами относится к XV в. до н. э., надо полагать, что авторы Книги Дагона считали, что прежде митаннийцы были подчинены Ассирии. Быть может, речь идёт не о политической, а о религиозной зависимости Митанни от культов, во главе которых стояли ассирийские жрецы?

4. Ашшурназирпал II Бит-Шамаш, Карающий Меч Древних

Упомянутый в главе «Летающий посох» Аштин-апал Бит-Шамаш — это, конечно же, Ашшурназирпал (Ашшур-нацир-апал) II, сын Тукульти-Нинурты II, царь Ассирии, правивший приблизительно в 884-859 годах до н. э. Ашшурназирпал был выдающимся полководцем и дипломатом, чрезвычайно методичным и безжалостным в достижении поставленной цели, истинным Мечом Древних. Уже в первый год своего правления (ок. 883 до н. э.) Ашшурназирпал предпринял поход в страну Тумме, где занял укреплённый город Либе и ещё несколько поселений. Жители из захваченных селений бежали на крутую гору. Ассирийцы последовали за ними. В прошедшем сражении 200 неприятельских воинов пало, и много было захвачено в плен. После этого ассирийцы продолжили свой поход в страну Киррури, расположенную в бассейне Большого Заба, где они угнали скот, а также захватили медные сосуды и большое количество вина. Соседние горные округа Симеси, Симера, Ульмания (возможно, то же, что Эламуния), Адауш, Харга, и Хармаса не только принесли дань, но и были обложены повинностями в пользу Ассирии. Когда Ашшурназирпал находился в Киррури, ему доставили дань гильзанцы и хубушкийцы в виде лошадей, серебра, золота, свинца и бронзы. Из Киррури ассирийцы направили во внутреннюю Хабхи через перевал города Хулун. Поселения Хатту, Хатару, Ништун, Ирбиди, Метка, Арцания, Тэла, Харуа, были захвачены и сожжены. Население укрылось на горе, расположенной напротив Ништуна. Ассирий-

цы взяли приступом гору. 260 неприятельских воинов пало в этом сражении. Ашшурназирпал приказал отрубить им головы и сложить их в кучу. Бубу, сын Бубы (начальник поселения Ништун), попал в плен и был отправлен в Арбелу, где с него заживо содрали кожу. В честь этих побед Ашшурназирпал приказал установить свою статую с записями на горе Эку в городе Ашшурназирпала (местоположение этого города не ясно).

В том же году 24 абу (июль-август) Ашшурназирпал предпринял ещё один поход. Ассирийское войско выступило из Ниневии и взяло направление на север в горы Нибур (совр. Джуди-даг на левом берегу Тигра против Джебзире-ибн-Омара) и Пацата. Города Атокун (то же, что Уаткун, урартск. Аткана), Ушху (совр. деревня Шах в 12 км восточнее Джебзире-ибн-Омара), Пилази и 20 окрестных поселений были захвачены и сожжены. Затем ассирийцы переправились через Тигр и вступили в страну Кадмухе. Кадмухе и страна Мушки принесли дань: бронзовые сосуды, крупный и мелкий рогатый скот, вино. Из Кадмухе ассирийцы повернули на юг и вступили в долину р. Хабур, где против Ассирии восстало арамейское вассальное княжество Бит-Хадиппи. Бит-Хадиппи поддерживало другое арамейское княжество Бит-Адини. Ашшурназирпал одержал победу над союзниками и массовыми страшными казнями, а также посадив ассирийского наместника в Бит-Хадиппи, водворил спокойствие.

В 882 году Ашшурназирпал предпринял свой второй поход, на сей раз на северо-запад, к истокам Тигра, в южные окраины страны Наири. Поход начался с вести, что ассириец Хулай, начальник поселения Халзилуха («укрепление Элуха», вероятно, то же, что Элухат), восстал и пошёл на Дамдамусу — резиденцию наместника. Ассирийская колония Элухат была основана ещё Салманасаром (Шульману-ашареду) I, но спустя 400 лет ассимилировавшиеся в среде хурритов потомки ассирийских колонистов взбунтовались против новой администрации Ашшурназирпала. Ассирийское войско немедленно выступило для подавления восстания и двинулось вверх по Тигру. Недалеко от истоков Тигра, у реки Субнат, где были высечены изображения Тиглатпаласара (Тукульти-апал-Эшарры) I и Тукульти-Нинурты II, Ашшурназирпал приказал увековечить в камне и себя. После этого ассирийцы повернули на юг и вторглись в страну Ицалла (Цалла), расположенную в верховьях р. Хабур, между современными Мардином, Урсрой и Диярбекиром, и получили там крупный и мелкий рогатый скот, вино и

т. д. Затем войско Ашшурназирпала перевалило через горы Кашийари и подошло к Кинабу — укрепленному городу Хулая. В прошедшем сражении ассирийцы убили 600 мятежников и взяли в плен 3000 человек, которых Ашшурназирпал приказал всех сжечь в огне, как он сам говорит в своей надписи, «не оставив ни одного из них как заложника». Также были сожжены и попавшие в руки ассирийцев дети. Хулай, взятый плен, был отправлен в Дамдамусу, где с него заживо была содрана кожа. Город Кинабу был сожжён, после чего ассирийцы захватили расположенный в его окрестностях город Мариру, причём 50 его защитников пало, а 200 взятых в плен также были сожжены. Таким образом, военный террор не только применялся для подавления завоёванных народов, но распространялся и на самих ассирийцев.

Подавив мятеж Хулая, ассирийцы продолжили поход. Во время сражения в степи было разгромлено войско страны Нирбу (букв. «Перевал», где-то у верховьев Тигра), и 332 неприятельских воина пало в сражении. Жители страны Нирбу укрылись в хорошо укрепленном, обнесённом тремя стенами городе Тэла. Ашшурназирпал осадил этот город. 3000 защитников Тэла пало, ассирийцы захватили многочисленных пленных и одних сожгли в огне, другим отрубили кисти и пальцы, а третьим отрезали носы, уши и ослепили. Напротив города он приказал соорудить одну башню из живых людей, а другую из отрубленных голов, головы также были развешены на колах и вокруг всего города, а дети, захваченные ассирийцами, были сожжены на кострах. Сам город Тэла, а также и все поселения в округе были разрушены и сожжены. Захваченные земли были сведены в новую провинцию с центром в Тушхане (совр. Карх на Верхнем Тигре). Ашшурназирпал приказал заново выстроить стены этого города и заселил его обедневшими ассирийцами. Находясь в Тушхане Ашшурназирпал, принял дань Аммебалы царя Бит-Замани, Анхите царя Шуприи, Лаптуру, сына Тубусу царя Нирдуна, от страны Внутренней Уруму и царей стран Наири: колесницы, кони, мулы, серебро, золото, бронзовые сосуды, крупный и мелкий рогатый скот, вино.

При возвращении из стран Наири ассирийцам вновь пришлось подавлять мятеж населения Нирбу. Жители 9 городов укрылись в городе Ишпилибри (возможно, принадлежал Ицалле). Но Ашшурназирпал их разгромил и по своему обыкновению сложил кучу из отрубленных голов напротив города, а детей приказал сжечь на кострах.

Затем, пройдя через страну Хабху, где покорили ряд поселений, ассирийцы вышли к городу Ардуна. Здесь Ашшурназирпал получил дань от царя Бит-Йахири Ахираму, цаллайцев (Ицалла) Бит Бахиани, хеттов и царей Ханигальбата (то есть Митанни, старинного неприятеля Ассирии): серебро, золото, свинец, бронзовые сосуды, крупный и мелкий рогатый скот, лошадей.

5. Расширение границ Империи

В 881 году ассирийцы выступили на восток, в страну Замуа (между верховьями М. Заба и Диялы). Там правитель округа Дагар Нур-Адад объединил вокруг себя всё Замуа, и его войско воздвигало стену, преграждающую перевал Бабите (совр. Дербенд-и-Базиап). Однако Ашшурназирпал, по-видимому, не дав Нур-Ададу закончить работы, превосходящими силами прорвал заслон и проник в центр Замуа. Нур-Адад укрылся в горах. Ассирийский царь дошёл до горы Нисир (луллубейское Кинип) по дороге разгромив три маленьких замуанских царства: царство Нур-Адада Дагару, царство Мусасины с центром в крепости Бунаси и царство Киртиары с центральной крепостью Ларбуса. После этого царьки Замуа прекратили сопротивление. Ашшурназирпал оставил их на престолах, но включил эти завоёванные царства в созданную им ассирийскую провинцию, обложив население тяжёлой данью, и, помимо этого, ввёл здесь обычные ассирийские натуральные налоги и строительные повинности. В анналах говорится, что когда Ашшурназирпал находился в Замуа, ему принесли дань худунцы, хубушкийцы, хартишейцы и гильщанцы.

В следующем, 880 году два южно-замуанских царька Амека и Араштуа не уплатили дани, и четвёртый поход Ашшурназирпала вновь был направлен в Замуа. Желая предупредить военные приготовления замуанцев, ассирийский царь двинулся в поход с одной конницей и колесницами. Ассирийцы взяли штурмом Аммали, крепость Араштуа на восточном берегу Диялы, и начали погром не только царства Араштуа, но и соседних царств Киртиары, Сабини и Мусасины до перевалов Хашмара. Лишь Дагара отделалась принесением дани. В остальных округах население стиралось с лица земли:

взрослые уводились в рабство, дети сжигались на кострах. Затем ассирийское войско двинулось на царство Амеки. Амека и его люди укрылись в горах, но ассирийцам удалось захватить в его крепости Замру и других брошенных поселениях большое количество разного имущества. Поход затем был продолжен в царство некоего Аты, не имевшего к сопротивлению замуанцев никакого отношения. Это царство лежало на северных склонах гор Нишпу, севернее Дагара. Оно подверглось такому же разгрому, как и остальные. Помимо замуанских царств, дань ассирийскому царю прислали царьки Гильзана, Хубушкии и касситской крепости Хартиш. Затем он восстановил принадлежавшую когда-то касситам крепость Атлила, сделав её центром сбора натурального налога с новообразованной провинции и складом фуража и продовольствия для дальнейших походов на восток.

1 симану (май-июнь) 879 года Ашшурназирпал предпринял свой 5-й поход, и снова на северо-запад, к истокам Тигра. Первоначально он направился в Кадмухе, вскоре вступил в столицу этой провинции г. Тулуле (или Тулле) и, будучи первосвященником Древних, освятил строящийся там дворец. Следующий по пути продвижения ассирийского войска город Кибаку не оказал сопротивления и принёс дань. Зато г. Матиату, расположенный выше по течению Тигра, отказался повиноваться Ашшурназирпалу и был покорён ассирийцами. 2800 защитников города пало и много попало в плен. Такая же судьба постигла г. Бунну в стране Мацула и два его окрестных города. Приняв дань страны Хабхи и города Шура и покорив г. Маранзу, Ашшурназирпал подошёл к г. Матара (совр. Матра) — столице царя Лаптуру, сына Тубусу. Это был сильно укреплённый город, имеющий четыре стены, и ассирийцы вынуждены были перейти к осаде. Испугавшись предстоящих лишений, жители Матара покорились. Город был снесён, а над населением Ашшурназирпал поставил окружных начальников и наложил на него подати и дань. Затем, освятив дворец в Тушхане, Ашшурназирпал переправился через Тигр на его левый берег и подошёл к столице диррайцев, городу Питуре, обнесённому двумя стенами. В ходе сражения, в котором 800 неприятельских воинов пало и много было захвачено в плен, Питура была взята. В качестве устрашения для оставшегося в живых населения Ашшурназирпал приказал посадить 700 человек на колья перед городскими воротами, после чего ассирийцы взяли г. Кукуну и ещё 40 поселений страны

диррайцев. Вторгшись в страну Внутренняя Хабху, ассирийцы покорили г.Арбаку (совр. Арвах в долине р. Бохтан). Население бежало в горы. Ассирийцы последовали за ними и учинили им бой. Тысяча неприятельских воинов пала в этом сражении, двум сотням человек ассирийцы отрубили кисти рук, две тысячи было угнано в плен. Вслед за этим было покорено и разрушено ещё 250 поселений страны Наири.

В это время в Бит-Замани против царя Аммебала восстали его вельможи и убили его. Это был прекрасный повод для ассирийского царя, чтобы вмешаться во внутренние дела Бит-Замани. Однако восставшие не посмели сопротивляться ассирийскому царю и решили умиловить его богатыми дарами. Ассирийцам были переданы 40 колесниц, 460 упряжных лошадей, 2 таланта (60,6 кг) серебра, 2 таланта золота, 100 талантов (3030 кг) свинца, 100 талантов бронзы, 300 талантов (9090 кг) железа, бронзовые сосуды и чаши, сестру Аммебалы и дочерей его вельмож с богатым приданым. С Бурраманы, виновного в убийстве царя и захватившего престол, была содрана кожа, а права на царство были переданы Илану, его брату. Население Бит-Замани было обложено тяжёлой данью. Затем Ашшурназирпал отнял у Арамеса крепости Синабу и Тиду, основанные ещё Салманасаром I, причём 1500 арамейев было захвачено в плен и уведено в Ассирию. При возвращении из Наири ассирийцы покорили г. Шура в Ханигальбате (Митанни). 900 защитников города пало, а 2 тысячи было уведено в плен. Город Шура был включён в состав Ассирии.

Расширив, таким образом, свои границы на востоке и укрепив завоёванные территории на севере, Ашшурназирпал устремил свой взор на запад. Туда в том же 879 году он направляет свой следующий, шестой по счёту поход. Целью этого похода было подавить выступление мятежного арамейского племени Бит-Халупи (или Бат-Хадипли), обитавшего на р. Хабур. Осуществив это, Ашшурназирпал спустился по течению Хабура к Евфрату. Все арамейские царьки поспешили принести дань, кроме царя Сухи Шадуду. Последнего поддерживал вавилонский царь Набу-апла-иддин, считавший Сухи своей провинцией. Однако вавилонское войско было разбито, а спорная территория закреплена за Ассирией. Шадуду бежал на правый берег Евфрата. Тогда правобережные арамеи с Бит-Адини во главе начали против Ассирии войну. Племена Лаки, Хиндану, Сухи двинулись в Месопотамию. В ходе своего седьмого похода Аш-

шурназирпалу удалось разгромить их, и ассирийцы вторглись в земли этих племён (878). Вождь восставших бежал в Бит-Адини.

Восьмой поход (877) был направлен против источника смут — арамейского княжества Бит-Адини, расположенного между реками Белихом и Евфратом. Ашшурназирпал овладел штурмом могучей крепостью Капраби и учинил жестокую резню её защитников. Правитель Бит-Адини Ахуни подчинился Ассирии, уплатил дань и обязался поставлять Ашшурназирпалу войско. Теперь Ассирии была открыта дорога к Средиземному морю. Туда и был снаряжён девятый поход (876). Переправившись через Евфрат при помощи плотов из надувных мехов, ассирийское войско вошло в Каркемиш — столицу небольшого, но богатого царства. Царь Каркемиша, потомок хеттских властителей Сангара покорился без боя и уплатил огромную дань изделиями из золота, 20 талантов (606 кг) серебра, 100 талантов меди и 250 талантов (7575 кг) железа. Кроме того, ассирийскому царю были преподнесены ложа и кресла из самшита, дорогие одежды, пурпурная шерсть, бивни слонов и много других ценных даров.

В дальнейшем Ашшурназирпал также не встретил сопротивления. Его поход был подобен триумфальному шествию. Цари и князья Сирии и Финикии торопились откупиться от ассирийцев дарами и покорно предоставляли свои войска в распоряжение царя Ассирии. Так, в 868 году до н. э. ассирийцы принудили платить дань Тир, Сидон и другие города Ханаана. Перейдя Оронт, Ашшурназирпал превратил г. Арибуа в ассирийскую военную колонию, призванную защищать пути к Средиземному морю. Затем он поставил себе стелу у р.Нахр-Эль-Кельба, рядом с рельефом египетского фараона Рамсеса II. На ней были высечены слова, что Ашшурназирпал по древнему обычаю омыл своё оружие в водах Средиземного моря и принял дань от царей Тира, Сидона, Библа, Махаллата, Маица, Кайца в стране Амурру и Арада (Арвада). О Дамаске, бывшем в то время мощным торговым и вольным городом-государством, Ашшурназирпал не упоминает. Он умышленно двигался на запад северным путём, чтобы обойти владения Дамаска, не желая вступать в борьбу с могущественным гегемоном Сирии. С огромной добычей и кедрами, нарубленными в горах Ливана и Амана, Ашшурназирпал вернулся в Ассирию. У Ашшурназирпала впервые встречается упоминание о халдеях, поселившихся в южной Вавилонии, в районе болот и озёр вдоль нижнего течения Ти-

гра и Евфрата. В анналах Ашшурназирпала говорится: «Успехи моего оружия наполнили ужасом земли халдеев».

6. Итоги царствования Ашшурназирпала

Ашшурназирпал решил перенести свою резиденцию из Ашшура в новое место. Он обратил внимание на старинное местечко Калах (Кальху), стоящее на реке Тигр, выше впадения в него Большого Заба. Оно было основано ещё Салманасаром I, но построенный здесь дворец ко времени Ашшурназирпала разрушился. Ашшурназирпал предпринял в Кальху обширные строительные работы. Старые здания были снесены, а на их месте воздвигнуты великолепный царский дворец, храмы богам и высокий зиккурат.

Энергия и страшная жестокость, которая сопровождала все походы Ашшурназирпала, возымели действие, почти всё царствование этого ассирийского царя после его девятого похода прошло в мире. В 866 году Ашшурназирпалу пришлось подавлять большое восстание на северо-западе своей страны. Во главе восставших стоял царь Бит-Замани Илану. Выступив 20 улулу (август-сентябрь) из Кальху, Ашшурназирпал в г.Хузирина (близ совр. Дара, восточнее Мардина), в стране Кепани (буквально «Страна надзирателей») принял дань царя Ицаллы Итти, царя Алзи Гиридаду и царя Куммаха Катазилу. Затем, поднявшись вверх по Евфрату, ассирийцы подошли к поселениям стран Ашша и Хабху, расположенных, как говорится в анналах, «перед страной Хатти» (то есть на границе с бывшей Хеттской империей). Тут ассирийцы покорили города Умалиа и Хирану со 150-ю окрестными поселениями и двинулись на восток к Бит-Замани, по дороге завоёвывая страны Дирриа, Маллану, Замба. Хабху выразила покорность. Между тем Илану захватил город Дандамусу, ранее принадлежащий ассирийцам, укрепил его и приготовился к сопротивлению. Несмотря на приготовления, ассирийцы осадили город и взяли его. 600 воинов Илану пало в сражении. 400 воинов попало в руки ассирийцев живыми, 3000 жителей было уведено в плен. В Амеду, столице Бит-Замани, Ашшурназирпал устроил страшные казни. Часть населения была обезглавлена, а головы сложены у ворот города в кучи, часть людей была посажена вокруг го-

рода на колья. Затем Ашшурназирпал двинулся против царя Луантуру сына Тубусу и осадил его резиденцию город Уда. Овладев с помощью подкопа и осадных орудий городом, ассирийцы убили 1400 воинов, 580 воинов попало в их руки живыми, 3000 жителей было уведено в рабство. Попавших в его руки воинов Ашшурназирпал приказал посадить на колья вокруг города, а некоторым он выколол глаза.

Как отмечает знаменитый писатель и популяризатор науки Айзек Азимов в своей книге «Ближний Восток», Ашшурназирпал практически завершил уничтожение арамейских княжеств на всём пути до Средиземноморья, закончив труды двух своих предшественников. Он восстановил процветание Ассирии и выстроил вновь заброшенный город Кальху, сделав его ещё раз столицей царства. В Кальху он воздвиг для себя дворец — одно из первых ассирийских сооружений, раскрытых современными археологами (дворец был раскопан в 1845-1851 гг. н. э.). От него осталось достаточно сооружений и ценностей, чтобы оценить его величие. Он занимает площадь почти в 2,5 га и украшен барельефами в необычайно реалистическом стиле. Барельефы, изображающие коней и колесницы, управляемые сильной рукой Ашшурназирпала, поражающего львов стрелами, восхитительны, даже прекрасны. Животные — сплошные мускулы, ярость и эмоции. Вряд ли можно найти в мировом искусстве более реалистическое изображение страданий животных, чем ассирийские резные рельефные изображения раненых львов.

Но они выражают каким-то образом наслаждение страданиями животных, напоминающее нам, что Ашшурназирпал II знаменит ещё кое-чем, очень далёким от искусства. Ему, более чем любому другому ассирийцу, обязана эта нация своей репутацией в истории. Он наполнил четверть столетия своего правления жестокостями, которые оставались непревзойдёнными до появления Гитлера. Жестокости эти особенно тесно связаны с новым способом осадной войны. Ашшурназирпал II весьма эффективно использовал осадные устройства и ценил их достаточно высоко, чтобы оставить изображения на своих надписях. Он взял естественную склонность штурмующих армий к жестокостям и поднял её до преднамеренной политики террора, почти невероятного для любого века, кроме XX, который был свидетелем деяний нацистской Германии. Когда армия Ашшурназирпала II захватывала город, смерть от пыток становилась рядовым

явлением. Головы отрубались во множестве, из них складывали пирамиды. С людей сдирали кожу, их сажали на колья, распинали, закапывали заживо. Всё это могло входить в обдуманый план повышения ассирийской мощи. Можно представить себе, что монарх утверждал, что путём такой политики террора города можно убедить сдаться без осады или, ещё лучше, вообще не устраивать восстаний. Не выглядит на этом фоне чем-то необычным и начало главы Книги Дагона, в которой упомянуто эти этого царя: «Записано со слов Кету Хапашшура, жившего в царствование Ашшурназирпала II Бит-Шамаша, Чёрного Солнца, Его Превосходства, Источника Благоденства, старшим писцом Храма Иштар, Хизгийягом Нинуком, впоследствии умерщвлённым ради неразглашения тайны и задавленным каменными жерновами во славу Шуб-Ниггурат, Звезды Рассвета».

В краткосрочной перспективе политика Ашшурназирпала II была успешной. Он расширил Империю и поставил её на прочное основание. Скончался он в мире и, возможно, с утешительным чувством, что хорошо поработал. В долгосрочной перспективе, однако, он потерпел неудачу. Он сделал имя ассирийцев ненавистным и отвратительным. Такого успеха не добивался ни один завоеватель до Адольфа Гитлера. Позднейшие ассирийские монархи никоим образом не были столь порочными, как Ашшурназирпал II, некоторые из них были даже просвещёнными и порядочными человеческими существами. Но благодаря Ашшурназирпалу II клеймо садизма прилипло к ним всем, и ни один из них не знал мира. В остальное время, оставленное Ассирии, её история состояла из подавления восстаний, ибо ни один народ не мог долго оставаться её мирным подданным. И когда, после двух с половиной столетий непрерывных войн, Ассирия была, в конце концов, побеждена, поражение было окончательным. Другие нации могли склониться, пережить поражение и возродиться. До Ашшурназирпала II Ассирии самой это не раз удавалось. Но когда она вновь пала, после Ашшурназирпала II, она была раздавлена полностью и стёрта с лица земли.

7. Последний великий царь Ассирии

Уже упомянутая выше глава «Святылище Экваббу (Даолота)» датируется временем правления некоего Сатпанипаша Баэл-Тезера. Комментарии переводчиков и ключ, найденный нами к расшифровке приведённых ими дат, позволяют отнести этот отрывок к VII веку до н. э., последнему веку существования Ассирии как самостоятельного государства. За этот век сменилось 7 правителей, и ни один из них не носил имени, близкого к упомянутому в Книге Дагона. Однако 4 последних царя находились в состоянии непрекращающейся войны с превосходящими силами царя Вавилонии Набопаласара, который в конечном итоге и разрушил Ассирийское царство, и им вряд ли было до археологических изысканий вроде описанного в этой главе. Синаххериб (Синаххе-эриба), первый из семи правителей VII века до н. э., был не в ладах со жречеством, что тоже делает маловероятными описанные там события. Нет веских причин исключать из списка возможных претендентов Асархаддона (Ашшур-аха-иддина), однако достоверно известно, что правивший приблизительно в 669-627 (к слову сказать, и в 666-м ;)) годах до н. э. Ашшурбанипал (Ашшур-бани-апли), последний великий царь Ассирии, вошёл в историю не только как крупный военный деятель и политик, но и как собиратель древних письменных памятников. По его приказу в Ниневии были собраны в копиях и подлинниках десятки тысяч исторических, оккультных и научных текстов. Кажется более чем вероятным, что именно он и был тем царём, при котором был окончательно сформирован свод текстов, известных ныне как Книга Дагона, хотя дописана она могла быть и при его отце Асархаддоне.

Ашшурбанипал правил великой державой, доставшейся ему от отца. Всю жизнь он непрерывно вёл военную и дипломатическую борьбу за сохранение ассирийского государства. В первые годы царствования он совершил ряд походов против восставшего Египта, вновь покорил его, но ненадолго. На западе подчинил Тир и Арвад. На востоке и севере успешно боролся с киммерийцами, скифами, персами и мидянами, на юго-востоке воевал с Эламом и около 665 года нанёс ему поражение, на юге столкнулся с коалицией, лидером которой была Вавилония. На этот раз восстание возглавлял брат Ашшурбанипала Шамашшумукин, наместник Вавилона. Овладев Вавилонией, Ашшур-

банипал затем поодиночке разбил её союзников — Элам и аравийские племена. С мятежными вождями обошлись буквально как с собаками: одних посадили на цепь в собачьих конурах около дверей дворца, других продали на невольничьем рынке Ниневии. Когда царь возвращался в столицу, в его колесницу были запряжены самонадеянные правители Элама. Но Шамашшумукина среди них не было: он бросился в пламя пожара собственного дворца.

Сыновья Ашшурбанипала не смогли спасти державу от распада, и она в 609 году до н.э. окончательно рухнула. Пали и стены Ниневии. Во время пожара, когда город умирал под ударами мидийских и вавилонских воинов, в губительном для Ниневии огне «глиняные книги», собранные в ней, прошли обжиг, закалились и, таким образом, сохранились. Но, к сожалению, многие разбились. Вторгшиеся в страну варвары разрушили царские дворцы, возвышавшиеся на берегах Тигра, а каналы, питавшие сады водой, были засыпаны. Ниневия не поднялась более, и со временем над ней образовался высокий песчаный холм. Так сбылось мрачное предсказание иудейского поэта того времени: «Он протянет руку свою на север и уничтожит Ассирию; и сделает Ниневию заброшенной и сухой, словно пустыня. И стада будут лежать в центре её, и все звери, и пеликан и дикобраз будут жить под колоннами; их голоса будут слышны в окнах, одиночество будет за порогами; заброшенными будут резные работы на кедре. Этот весёлый город, который жил беззаботно и твердил себе, что я есть, а кроме меня нет ничего, стал пустыней, стойлом для животных!» Лишь в середине XIX века археологическая экспедиция Британского музея сумела вновь найти Ниневию. Её обнаружил Ормузд Рассам, раскапывавший один из многочисленных иракских холмов — Куюнджик.

8. Библиотека Ашшурбанипала

Самой неожиданной находкой для всех явилась огромная библиотека Ашшурбанипала. Оказалось, что ассирийский царь, беспощадный и жестокий полководец, две с половиной тысячи лет назад собрал уникальную библиотеку, тем самым обессмертив своё имя. Подготавливавший себя первоначально к жреческой деятельности, Ашшурбанипал был первым ассирийским царём, знавшим клинопись. По его приказу в царском дворце в Ниневии были собраны в копиях и подлинниках десятки тысяч древних исто-

рических, религиозных, магических, медицинских и астролого-астрономических текстов, а также государственные архивы, словари и справочники, всего свыше 20 тысяч «книг» — клинописных глиняных табличек. На особых табличках, скреплённых ассирийской царской печатью, было написано: «Того, кто посмеет унести эти таблицы, пусть покарают своим гневом Ашшур и Белит, а имя его и его наследников навсегда пусть будет предано забвению в этой стране». Учёные подсчитали, что в библиотеке хранилось около 30 000 тысяч «глиняных книг». Ормузд Рассам тщательно упаковал их в ящики и отправил в Лондон, но ещё тридцать лет понадобилось учёным, чтобы изучить их и перевести на современный язык.

Библиотека царя Ашшурбанипала хранила на глиняных страницах своих книг почти всё, чем были богаты культуры Шумера и Аккада. «Глиняные книги» рассказали миру, что мудрые математики Вавилона не ограничились четырьмя арифметическими действиями. Они легко вычисляли проценты, умели измерять площадь разнообразных геометрических фигур, существовала у них сложная таблица умножения, они знали возведение в квадрат и извлечение квадратного корня. Наша семидневная неделя тоже родилась в Междуречье, там же была заложена и основа современной науки о строении и развитии небесных тел. Ассирийцы по праву могли бы претендовать на звание первопечатников, ведь сколько царских указов, государственных и хозяйственных документов нужно было писать и переписывать, прежде чем рассылать их во все концы Ассирийской державы! И чтобы делать это быстро, ассирийцы вырезали на деревянной доске нужные надписи и делали с неё оттиски на глиняных табличках.

В Ниневийской библиотеке книги хранились в строгом порядке. Внизу каждой таблички указывалось полное название книги, а рядом — номер страницы. Кроме того, во многих табличках каждая последняя строка предыдущей страницы повторялась в начале следующей. Имелся в библиотеке и каталог, в котором записывали название, количество строк, отрасль знаний — отдел, к которому принадлежала книга. Найти нужную книгу не составляло труда: к каждой полке прикреплялась небольшая глиняная бирка с названием отдела — совсем как в современных библиотеках. Здесь были исторические тексты, свитки законов, медицинские справочники, описания путешествий, словари со списками шумерских слоговых знаков и грамматических форм и даже

словари иностранных слов, так как Ассирия была связана чуть ли не со всеми странами Передней Азии. Летописцы Ашшурбанипала переписали все сохранившиеся до его дней старые шумерские предания, и именно их усердию современный мир обязан такими литературными сокровищами как эпос о Гильгамеше и рассказ о Всемирном потопе. Эти произведения и некоторые другие, как, например, покаянные псалмы или «жалобные песни для успокоения сердца», свидетельствуют о высоком уровне развития ассирийской поэзии. Здесь же были обнаружены знаменитые Таблички Маклу, Таблички Шурпу, Книга Земли Маганской и некоторые гимны, включённые позднее Терцием Цибелием в Книгу Тайн Червя. Что касается Книги Дагона, то её оригинал, написанный не на глиняных табличках, а на пергаментах, не пережил пожаров. Лишь некоторые главы из неё были спасены жрецами во время гибели Ниневии и сохранились в позднейших списках.

Судя по упоминаемым правителям Ассирии, порядок глав Красного Свитка (если считать, что Чёрный Свиток предваряет, а не завершает его) может быть близок к хронологическому. Глава «Ужас землю покрыл...», с которой начинается книга, явно более позднего происхождения, чем вторая глава («О Йтакуа, царице змиев»), она представляет собой что-то вроде эпитафии и написана, скорее всего, ближе к временам составления сборника, то есть к VII в. до н. э., тогда как вторая глава написана между началом митаннийской зависимости Ассирии (XV в. до н. э.) и временем написания третьей главы в годы правления Ашшур-убаллита I (1365-1330 до н. э.). Между XIV и IX в. до н. э. были написаны главы 4-7, глава 8 («Летающий посох») датируется временем правления Ашшурназирпала II (883-859 до н. э.), главы о Чертогах (9-11), по всей видимости, написаны одним автором или группой авторов между IX и VII в. до н. э. Ко временам Асархаддона (681-669 до н. э.) или Ашшурбанипала (669 — ок. 633/627 до н. э.) относится глава 12 («Святылище Даолота»), тогда как 13-я глава («Восхваление Ктулху») явно добавлена уже при составлении окончательного свода книги (то есть во времена Ашшурбанипала), хотя может восходить к более древнему гимну. Так же, как Ашшурназирпала можно по праву назвать Карающим Мечом Древних, Ашшурбанипал был, без сомнения, их Архивариусом.

Часть III. «Тайны Червя» Терция Цибелия

1. Род Цибелиев

После падения Ассирийского царства след Книги Дагона теряется почти на тысячелетие, пока явственные аллюзии к традиции, породившей этот текст, не появляются в книге, известной как «Тайны (или Мистерии) Червя» (лат. *De Vermis Mysteriis*). Автором основного сохранившегося до наших дней свода Тайн Червя является отставной римский легионер Терций Цибелий (лат. *Tertius Cybelius*). Он родился в 280 году н. э. в Македонии, разорённой в то время набегами готов, и был третьим (и самым младшим) сыном в семье дендрофоров — потомственных жрецов Кибелы (образа, символически близкого к Шуб-Ниггурат и, вероятно, восходящего к ней), занимавшихся в конце III в. н. э. обработкой древесины и торговлей ею. Рим официально принял культ Идейской Матери Кибелы в 205/204 году до н. э., провозгласив её богиней своих легендарных предков — троянцев. Утверждение культа Кибелы в Риме совпало с временем включения плебеев в состав римского народа и уравнивания их в правах с патрициями (нач. III в. до н. э.), когда верхушка патрициата и плебса, слившись, образовали нобилитет. Однако социальный состав коллегии дендрофоров свидетельствует о том, что, хотя при формировании религиозных сообществ он соединялся со средой городского плебса, при наборе жречества культ привязывался к аристократии. Поэтому есть все основания полагать, что Цибелии изначально происходят из патрицианской среды, хотя нет данных о том, к которому из 18 оставшихся к III веку до н. э. патрицианских родов они восходят.

Своим названием дендрофоры были обязаны тому ритуалу, который с особой торжественностью отправлялся 22 марта, во второй день ежегодного весеннего праздничного цикла в честь Великой Матери Богов Кибелы и Аттиса, а именно, процессии «священного дерева», что свидетельствуется в фастах, составленных ок. 354 года н. э. Фурием Дионисием Филокалом. Таким образом, организация процессии «священного дерева», олицетворявшего Аттиса, являла собой первую культовую функцию братства

дендрофоров. Дополнением к ней являлась и организация указанной коллегией священного шествия почитателей в главный праздничный день — 25 марта. К религиозной сфере деятельности дендрофоров следует отнести их кураторство над храмами богини, проведение священных совместных трапез, кроме того, коллегаты часто упоминаются в тавроболических надписях. Как и другие многочисленные культовые объединения, сообщество дендрофоров дублировалось погребальной коллегией. Слияние религиозного братства с профессиональной корпорацией (состоящей из торговцев лесом, агентов лесных императорских угодий, судовладельцев, управляющих судоходствами, объединений плотников) датируется I в. н. э. и, по мнению ряда исследователей, восходит к реорганизации культа во время принципата Клавдия. Таким образом, соединённые ассоциации дендрофоров приобретают особое значение в центрах, связанных с производством и торговлей древесиной, в портах, городах речной торговли. Они процветали в Италии, Галлии, Далмации, в придунайских провинциях. В Греции и на Востоке подобного рода объединения не засвидетельствованы. По-видимому, этот факт может быть связан с характером римской политики в греко-восточном регионе: даже самые либеральные принцепсы запрещали всякие профессиональные сообщества в восточных провинциях.

Само название, которым объединение обозначается в официальных документах, выражало принадлежность коллегии определённой местности (например, дендрофоры жители Рима, дендрофоры колонии Апулии или дендрофоры муниципии Бергом). Интегрируясь в структуру государства и общества, объединённые коллегии дендрофоров входили в подчинение центральной и местной администраций. Декрет местного сената, который затем должен был быть одобрен римским сенатом или принцепсом, был первой необходимой формальностью для законного учреждения братства. Впоследствии, как и всё жречество, обслуживающее культ Великой Матери, дендрофоры официально находились под кураторством квиндецемвиров. Несмотря на вмешательство центральной и муниципальной властей в деятельность сообщества, коллегия сохраняла определённую финансовую самостоятельность, возможность выбора своих президентов и покровителей.

Неся некоторые общественные повинности (бесплатная рубка и транспортировка леса, необходимого для обогрева терм или для строительства общественных зданий и морского флота; тушение лесных пожаров), дендрофоры в качестве компенсации получали от государства налоговые льготы и большой кредит, от императорского дома — особое покровительство. Став могущественной и весьма почётной, ассоциация занималась широкой благотворительной деятельностью, не оставляя без внимания и своих собственных членов. Устраивались складчины для общих работ, совместные пиршества, коллегия поддерживала менее обеспеченных собратьев. Действуя в том же направлении, что и политика правительства, сообщество дендрофоров представляло собой некий объединяющий элемент в структуре как италийского, так и провинциального обществ. Рассматриваемое объединённое братство дендрофоров соответствовало общему коллективному духу римской религии. И в конечном итоге, соединение двух сообществ, религиозного и профессионального, в единую ассоциацию дендрофоров способствовало более глубокому проникновению культа Кибелы в религиозное сознание широких слоёв Римской империи и укреплению его положения как соперника христианства.

2. Эпоха Диоклетиана

Детство и юность Терция пришлись на эпоху императора Гая Аврелия Валерия Диоклетиана. Приход к власти Диоклетиана осенью 284 года завершил т. н. кризис третьего века в Риме. Он установил твёрдое правление и устранил фикцию, согласно которой император был лишь первым из сенаторов (принцепсом), после чего объявил себя полновластным правителем. С его правления начинается период в Римской истории, называемый доминат.

Диоклетиан родился около 245 года в окрестностях Скодры (ныне Скутари) в местечке Диоклетии (совр. Дукля, в Черногории) и происходил из низших социальных слоёв (отец его был вольноотпущенником). Тимоти Барнс считает датой рождения Диоклетиана 22 декабря, что любопытным образом практически совпадает с днём зимнего

солнцестояния и проливает новый свет на то, почему именно оно позднее было обозначено как день Рождества. Имя его было Диокл (или Валерий Диокл), которое он, став императором, сменил на имя Диоклетиан. Поступив при Галлиене простым солдатом на военную службу, он быстро поднимался по карьерной лестнице, а совершая походы с одного конца Римской империи в другой, знакомился с положением дел в государстве. Пребывая в Галлии со своим легионом, он, по преданию, получил от одной друидки предсказание, что станет императором, если убьёт кабана (лат. *aper*). При Пробе он уже был наместником в Мёзии. Когда император Кар отправился на войну с персами, Диоклетиан сопровождал его в качестве командира домашних. Когда же Кар по ту сторону Тигра внезапно умер, а бывший с ним сын его, Нумериан, был коварно умерщвлён своим тестем, префектом преторианцев Аррием Апром, на берегу Босфора, в Халкидоне, солдаты заковали Апра в кандалы, а их начальники провозгласили императором Диоклетиана.

Первым актом нового императора было собственноручное, перед лицом войска, умерщвление Апра. Он не тронул никого из своих врагов, утвердил их в должностях и, победив в Мёзии Карина, другого сына императора Кара, даже удивил современников своей кротостью, совсем не обычной в Риме у победителей в междоусобных войнах. Победой над Кариним было восстановлено единство Империи; но так как обстоятельства были трудные, то Диоклетиан взял себе в помощники старого своего друга Максимиана, дав ему сначала титул цезаря, а после подавления им крестьянского восстания багаудов в Галлии (285) — и титул августа (286). Пока Максимиан защищал Галлию от германцев, Диоклетиан был занят на востоке, обеспечивая безопасность границ Империи в Азии и в Европе. Сначала из Никомедии, где он находился в конце 285 и в начале 286 годов, Диоклетиан двинулся в Сирию, чтобы устроить дела с Персией; когда же обстоятельства на Востоке получили благоприятный для Рима оборот, он повернул из Азии в Европу, чтоб защитить линию Дуная от нападений сарматов. Ему удалось отстоять прежнюю границу вдоль Дуная — Дакию — и обеспечить за Римом провинцию Рецию. Победив сарацин (аравийских бедуинов), опустошавших границы Сирии, Диоклетиан в конце 290 года снова вернулся в Европу.

В начале 291 года в Милане Диоклетиан принимает участие в совещании с Максимианом, прибывшим туда из Галлии. Ближайшим следствием этого совещания было решение избрать двух цезарей, причём выбор пал на Констанция Хлора и Галерия Максимиана. Привлечение к императорской власти двух новых лиц вызывалось тем, что, при постоянных войнах и возмущениях в разных частях государства, двум императорам не было возможности управиться с делами. Для скрепления взаимной связи с новыми императорами Диоклетиан и Максимиан входят с ними в ближайшее родство: Констанций, разведясь с Еленой, матерью Константина, женится на падчерице Максимиана Феодоре и получает в управление Галлию и Британию; Галерий, тоже разведясь со своей прежней женой, берёт замуж дочь Диоклетиана Галерию Валерию и получает в управление всю Иллирию. Специально Максимиану, кроме общего надзора за всем Западом, предоставлено было ведать Италией, Африкой и Испанией. Области к Востоку от Италии остались на попечении Диоклетиана. При этом он привлёк к себе 18-летнего Константина, Констанциева сына от Елены, который следовал за ним всюду в его походах на Востоке. Торжественное приобщение двух цезарей к императорской власти произошло 1 марта 293 года. Разделение областей для управления было не столько разделением самой Империи, сколько облегчением труда в управлении, во главе которого стоял по-прежнему Диоклетиан.

На долю одного из новых императоров выпала тотчас же нелёгкая задача отнять у узурпатора Караузия, которого до тех пор поневоле должны были терпеть Диоклетиан с Максимианом, Британию, чего Констанцию и удалось достигнуть, как и успокоения Галлии. Максимиану пришлось защищать рейнские границы от вторжений германцев (296), а в следующем году — усмирять мавров в Африке. Галерию выпало на долю защищать, под главным руководством самого Диоклетиана, границу на нижнем Дунае, где языги, карпы, бастарны и ютунги давали римским войскам немало работы. Водворив спокойствие на европейском Востоке, Диоклетиан должен был отправиться в Египет, находившийся в то время в руках узурпатора Ахиллея.

После восьмимесячной осады Диоклетиан овладел Александрией и жестоко наказал александрийцев и вообще египтян за измену (296). Вместе с тем Диоклетиан принял меры к более удобному управлению Египтом, разделив его на три провинции (Фиваи-

ду, Aegyptus Jovia и Aegyptus Herculia), и к склонению народной массы на сторону римского правительства устройством раздачи хлеба бедным жителям за общественный счёт. К этому же времени относится странный эдикт, которым повелевалось собрать все старинные книги, учившие тому, как делать золото и серебро, и сжечь их. Это объясняли желанием Диоклетиана уничтожить источник богатства, а вместе с тем и высокомерия египтян, но пострадали ли какие-либо другие книги (прежде всего — толкующие золото и серебро в мистико-аллегорическом свете) — неизвестно.

Наконец, посредством договора с блеммиями и нобатами Диоклетиан обезопасил южную границу Египта от нападений этих варварских племён, обещав платить им ежегодную дань. Во время египетского похода он поручил Галерию выступить в Месопотамию против персов, воевавших в то время с покровительствуемым римлянами претендентом на независимый армянский престол, Тиридатом. Галерий потерпел неудачу и бежал к шедшему от Антиохии на помощь Диоклетиану, который в наказание заставил его пройти в пурпуре целую милю пешком за его экипажем. Второй поход Галерия был удачнее. Он разбил наголову персов в Армении и заставил их уступить римлянам пять провинций по ту сторону Тигра (297).

Таким образом, постепенно был восстановлен мир как внутри, так и на границах государства, чего уже давно не было в Империи (как мы помним, тем же характеризовались и времена правления Ашшурназирпала, хотя и совершенно другими методами). Время Диоклетиана поэтому провозглашалось риторамы возвращением золотого века. После двадцати напряжённых лет император явился, наконец, в Рим, но скупость увеселений, данных им народу, вызвала всеобщие насмешки. Вскоре Диоклетиан оставил Рим и отправился в свою любимую резиденцию, Никомедию. В дороге он заболел и по настоятельному совету Галерия торжественно отказался от власти 1 мая 305 года. Галерий и Констанций получили титул августов, а в цезари были возведены Север и Максимиан.

Остаток жизни Диоклетиан провёл на родине в Иллирии, в своём поместье в Салоне, где уединённо прожил 8 лет. На попытку Максимиана и Галерия убедить его возвратиться к власти бывший император ответил отказом, заметив, между прочим, что если бы они видели, какова капуста, которую он вырастил, то не стали бы приставать к

нему со своими предложениями. Последние годы Диоклетиана были омрачены не только физическими страданиями, но и грубостью по отношению к нему новых правителей (в особенности Константина). Диоклетиан умер при неизвестных обстоятельствах (по Аврелию Виктору — от яда, по Лактанцию — от голода и кручины, по Евсевию — после продолжительной болезни и от дряхлости) в 313 году.

3. Религиозная политика Диоклетиана

В религиозном отношении Диоклетиан был консерватором и приверженцем традиционного римского культа, предпочитая, в отличие от сторонников солярного культа Гелиогабала (218-222) и Аврелиана (270-275), поклонение олимпийским богам. Более того, он стремился вдохнуть новую жизнь в древнюю религию. Частью этого плана была масштабная строительная деятельность (ещё одна параллель с Ашшурназирпалом!). Около четверти всех надписей, относящихся к реконструкции языческих храмов в Северной Африке за период с 276 по 395 год, приходится на период правления Диоклетиана. Император отождествил себя с главой римского пантеона, Юпитером, в то время как его соправитель Максимиан связал своё имя с Геркулесом. Такая связь между божеством и императором помогала легитимизировать притязания последнего на высшую власть и прочнее связывала государственную власть с традиционным культом.

Благосклонностью Диоклетиана пользовались не только Юпитер и Геркулес, но и менее традиционные культы. Им были построены храмы Изиды и Сераписа в Риме, а также Непобедимого Солнца в Комо. При этом Диоклетиан поощрял скорее культы, чьи божества распространяли своё покровительство на всю Империю, чем на отдельные провинции. В Африке он способствовал укреплению почитания Юпитера, Геркулеса, Аполлона, Меркурия, а также императорского культа. Сведения о динамике популярности местных божеств в рассматриваемый период противоречивы. С одной стороны, есть сведения об усилении почитания в конце III века местных божеств, например, пришедший из Паннонии культ Дунайского всадника. С другой, тысячелетиями пользовавшиеся почётом в южном Средиземноморье божества стали утрачивать любовь на-

селения. Так, в Нумидии последняя известная надпись, посвящённая Сатурну (Баал-Хаммону), датирована 272 годом, в Киренаике Аполлону — 287 годом, в Египте последняя иероглифическая надпись — 250 годом.

Подобно Августу и Траяну до него, Диоклетиан именовал себя «восстановителем». Он пытался убедить общество рассматривать его царствование и созданную им систему правления, т. е. Тетрархию, как восстановление традиционных римских ценностей и, после беспорядков III века, возврат к «Золотому веку Рима». Как следствие, он стремился усилить существовавшую издавна римскую тягу к сохранению древних обычаев и имперское неприятие независимых сообществ. Необычны решительная позиция режима Диоклетиана и вера последнего в способность правительства вызывать существенные изменения в морали и обществе. Его предшественники стремились проводить более осторожную внутреннюю политику, предпочитая работать с существующими структурами, не занимаясь их капитальным ремонтом. Диоклетиан, в отличие от них, для достижения своих целей хотел реформировать каждый аспект общественной жизни. В его правление чеканка монет, налогообложение, архитектура, законодательство и история были радикально перестроены для приведения в соответствие с его авторитарной и традиционалистической идеологией. Реформирование «фабрики морали» Империи — и устранение религиозных меньшинств — было просто одним из этапов этого процесса.

В этой ситуации особое положение иудеев и христиан становилось особенно заметным. Однако иудеям удалось, за счёт древности своей веры, добиться толерантного к себе отношения Империи. Они избежали гонений при Деции и не подвергались преследованиям при Тетрархии. Соответственно, последовательно противопоставляющие себя иудеям христиане, вера которых воспринималась как новая и необычная, уже к этому времени не смешиваемая с иудаизмом, не заслужили такой терпимости. Хотя уже в первые века своего существования христиане подвергались дискриминации в Империи, первые императоры неохотно принимали законы по этому поводу. Только в 250-х годах, при императорах Деции и Валериане, началось законодательное преследование христиан. Эдикты Деция не сохранились, и об их смысле можно судить только по косвенной информации. Предполагается, что они были направлены против высшего духо-

венства и предписывали совершать всеобщее жертвоприношение. Первый эдикт Валериана, изданный в 257 году, предписывал клирикам совершить жертвоприношение римским богам, за отказ полагалась ссылка. Кроме того, под угрозой смертной казни было запрещено совершать богослужения и посещать места захоронений. В следующем году был принят более суровый закон, согласно которому духовных лиц за отказ повиноваться полагалось казнить, знатных мирян сенаторского и всаднического сословия — лишать достоинства и подвергать конфискации имущества, в случае упорства — казнить, их жён лишать имущества и ссылать, лиц, состоявших на императорской службе, — лишать имущества и осуждать на принудительные работы в дворцовых имениях.

В первые 19 лет царствования Диоклетиан был вполне доброжелателен по отношению к христианам, и даже отец церковной истории Евсевий Кесарийский, относящийся к императору негативно из-за гонения, считает его первоначальное отношение к церкви в высшей степени выгодным для распространения христианства. Не только частные лица могли принадлежать к христианскому сообществу и открыто заявлять о своём вероисповедании, но даже императорские чиновники и военные пользовались подобной свободой. Любой христианин, не находящий противоречия в нахождении на императорской языческой службе, мог беспрепятственно продвигаться по карьерной лестнице. Известно множество свидетельств о христианах, занимавших государственные должности всех уровней, в провинциях и в армии. Однако уже тогда Диоклетиан последовательно очищал армию от христиан, осуждал на смерть манихеев и окружал себя яркими противниками христианства.

Так называемое «Великое гонение» (303-313) началось при Диоклетиане и продолжилось его наследниками. Зимой 302 года Галерий посоветовал Диоклетиану начать всеобщее преследование христиан. Желая получить божественную поддержку этому начинанию, Диоклетиан обратился к оракулу Аполлона, и ответ последнего был интерпретирован как одобрение предложения Галерия. В 303 году тетрархи издали эдикт, отменяющий права христиан и требующий от них соблюдения традиционных римских религиозных практик. В дальнейшем были выпущены новые эдикты, направленные против священников, а также обязывавшие всех жителей Империи совершать языческие жертвоприношения. Интенсивность гонений различалась в пределах Импе-

рии: в Галлии и Британии, где выполнялся только первый эдикт, она была меньше, в восточной части Империи — более суровой.

Преследование не смогло предотвратить распространение христианства и становление его в качестве государственной религии Империи. Хотя оно привело к смерти, по современным оценкам, от 3000 до 3500 человек, и пыткам, заключению и изгнанию ещё большего количества людей, большинство христиан не пострадало. Другим следствием этих событий стало разделение церкви на тех, кто предпочёл принять выдвинутые требования, т. н. традаторов, и тех, кто сохранил чистоту веры. Некоторые из возникших в этот период учений, таких как донатисты в Северной Африке и мелетиане в Египте, просуществовали впоследствии длительное время. Возникший в результате «культ мучеников», преувеличивающий жестокость событий, подвергался критике, начиная с эпохи Просвещения. Некоторые современные историки, например Дж. де Сент-Круа, также считают сведения христианских историков о событиях «Великого гонения» преувеличенными.

4. Легион III «Галлика»

Достигнув 18 лет в 298 году, Терций Цибелий принял решение стать легионером и отправился в расквартированный в то время на соседних с Македонией придунайских территориях III Галльский легион. Его семья состояла в знакомстве с Диоклетианом со времён наместничества последнего в Мёзии, поэтому проблем с рекомендательным письмом не возникло. По прибытию Терцию выплатили необходимую сумму для покрытия путевых расходов, и, явившись в крепость, он принёс первую ежегодную воинскую присягу и был зачислен в центурию.

Легион «Галлика» был основан в 49 или 48 году до н. э. по приказу Юлия Цезаря для его войны с Помпеем. Легион набирался в двух галльских провинциях — Галлия Цизальпийская и Галлия Трансальпийская, на что указывает его название — «Gallica» («Галльский»). Эмблемой этого легиона (как и многих других легионов Цезаря) был телец. Легионер получал примерно втрое больше пехотинца из вспомогательных войск,

хотя всадникам из вспомогательных войск платили почти столько же, сколько легионерам. Крупные премии выплачивались после победы, а также при восшествии на престол нового императора. Солдаты могли делать сбережения — и не пренебрегали этой возможностью, несмотря на то, что им приходилось оплачивать из своего кармана питание, одежду, постельные принадлежности, обувь и снаряжение, не говоря уже о «праздничных пирушках» и погребальном фонде. Отчисления на питание и одежду были стандартными; расходы на оружие и доспехи, после первоначального вклада, были невелики. Сбережения хранились у знаменосцев, которые, помимо своих прочих обязанностей, распоряжались расходами на питание и одежду. Сбережения отчасти были обязательными: удерживалась плата за питание и т.п. Кроме того, половина премиальных сумм откладывалась ко времени выхода в отставку.

Большую роль в жизни легионера играла религия. Как римский гражданин, легионер был обязан чтить богов Рима. Почитание богов поддерживалось тем, что солдаты жили по официальному религиозному календарю и справляли все традиционные римские празднества. Другим важным элементом официальной религии было почитание знамён. Подобно тому, как в современной армии знамя окружается почётом, выносятся перед строем и хранится в часовне, так и в римской армии штандарт был предметом поклонения. Его потеря могла привести к расформированию соединения. И, наконец, существовало поклонение императору и почитание обожествлённых императоров. Дни рождения императоров, дни восшествия на престол и дни побед вскоре сделались столь многочисленны, что часть из них пришлось потихоньку отменить. Эти бесконечные празднества должны были внушить солдату мысль, что боги благоволят к Риму, что знамя священо, что Рим — это его город, и что императоры — сверхчеловеки.

Но официальная религия, ассоциирующаяся со святилищем при штабе и учебным плацем, не могла полностью удовлетворить духовных потребностей солдат. Солдаты поклонялись своим богам — быть может, излюбленным классическим божествам (римские боги очень рано отождествились с греческими, которые были очерчены куда отчётливее). Чтили и местных божеств — на своей земле эти боги явно были силой, с которой стоило считаться. Часто солдаты мысленно идентифицировали их со знакомыми богами, обладавшими похожими свойствами. Некоторые местные культы приобрели

общеимперское значение. Солдаты почитали Юпитера Долихена, изначально сирийское божество, и бога Митру, тоже пришедшего с востока, но изменённого в угоду вкусам римских воинов. Христианство, напротив, распространялось среди солдат сравнительно медленно. Ранние христиане были склонны к пацифизму, и, кроме того, этому препятствовал официальный военный календарь, предполагающий поклонение множеству языческих богов. Как и большинство здравомыслящих людей его воспитания и положения, Терций Цибелий, отличавшийся живостью и остротой ума, к христианству относился резко отрицательно, но и к поклонению императору и римским богам относился скептически, поэтому долгое время он не мог в полной мере определиться со своими религиозными убеждениями.

Как новобранцу, Терцию требовалось пройти длительное обучение и набраться опыта, прежде чем встать вровень с ветеранами. Его учили ходить в строю: во время службы солдатам полагалось трижды в месяц проходить по тридцать километров. Его учили разбивать лагерь и дважды в день заставляли заниматься строевой подготовкой (обученный легионер занимался строевой подготовкой один раз в день). Всех новобранцев учили метать камни из пращи, плавать и ездить верхом. Их учили запрыгивать на коня, а также садиться в седло и спешиваться в полном вооружении и со щитом, справа и слева. Для обучения обращению с оружием использовался столб высотой в человеческий рост. Новобранец, вооружившись щитом, сплетённым из прутьев, и деревянным мечом, причём и то и другое — вдвое тяжелее обычного щита и меча, — нападал на столб, приучаясь колоть, а не рубить с размаху. Когда основы были заложены, переходили к тренировочным боям, в которых использовались мечи и дротики с защищённым остриём, чтобы избежать серьёзных травм.

В 298 году, вскоре после принесения Терцием воинской присяги, был заключён мирный договор с Сасанидами, по которому персам пришлось отказаться от территорий в северной Месопотамии. В связи с этим третий легион (вместе с легионом I *Illuicorum*) был переквартирован в Сирию, и Терций смог впервые прикоснуться к наследию цивилизации древнего Междуречья. Здесь он увлёкся коллекционированием разного рода старинных артефактов. За небольшие суммы из своего жалования он приобретал, а иногда изымал силой у местного населения статуэтки, амулеты, свитки с

информацией религиозного и философского содержания, через которые впервые узнал и о Древних. Спустя ещё несколько лет оба легиона («Галлика» — под командованием некоего Викторина) были переброшены в Сиену (современный Асуан), Египет, где, разумеется, Терций смог заметно пополнить свою коллекцию.

Служба легионера длилась лет 25-26, поскольку увольнение проводилось раз в два года. Отслужив положенное и получив пособие (которое стало солидным доверием к сбережениям), Терций покинул легион в 323 году, и в том же «Галлика» была расформирована, а продолжавшие службу в нём солдаты составили основу нового набора легиона I Шугисогум. 43-летний ветеран остался в Египте, где смог посвятить свободное время коллекционированию и религиозным исканиям.

5. Реформы Константина

Между тем, к моменту завершения воинской службы Цибелия после долгой политической и вооружённой борьбы к власти в Империи приходит Константин I, сын Констанция Хлора. Будучи митраистом (заметим в скобках, что образ персидского Митры отчасти восходит к шумеро-аккадскому божеству Уту, или Шамашу, почитаемому в числе Древних под именем Диабака), Флавий Валерий Аврелий Константин (родился 27 февраля 272 года в Мёзии) пополнил череду императоров, стремившихся установить в Риме солярный культ. После смерти отца в 306 году войско провозгласило Константина августом, а после победы над Максенцием в 312 году в битве у Мульвийского моста и над Лицинием в 323-м, 18 сентября 324 года, Константин был официально объявлен единым правителем Империи.

К IV веку город Рим перестал быть резиденцией императоров. В условиях постоянной опасности внешнего вторжения правитель должен был находиться ближе к границам Империи. С этой точки зрения расположение столицы было неудобно. Поэтому, начиная с Диоклетиана, императоры располагали свои резиденции в городах, более отвечающих стратегическим целям обороны государства. Такими местами были Трир в Германии, Никомедия в Малой Азии, Аквилея и Милан в Северной Италии. Констан-

тин не был исключением из этого правила. Первый раз он посетил Рим после победы над Максенцием, впоследствии побывав там только два раза. Константин загорелся мечтой создать новую столицу, которая символизировала бы начало новой эпохи в истории Рима. Основой для будущего города послужил древний греческий город Византий, расположенный на европейском побережье Босфора. Старый город был расширен и окружён неприступными крепостными стенами. В нём возводятся ипподром и множество храмов, как христианских, так и языческих. Со всей Империи в Византий свозились произведения искусства: картины, скульптуры. Строительство началось в 324 году, и спустя 6 лет 11 мая 330 года Константин официально перенёс столицу Римской империи в Византий и нарёк его Новым Римом, однако это название вскоре было забыто, и уже при жизни императора город стали называть Константинополем.

Став полновластным правителем Империи, Константин продолжил политику Диоклетиана по закреплению свободных земледельцев за их землёй, при этом сильно возросли налоги, так как государству нужны были средства на восстановление Империи после почти 20 лет гражданских войн. Константин, как и Диоклетиан, развил бурную строительную деятельность, что также требовало дополнительных затрат. Государство было разделено Константином на 4 округа: Восток, Иллирию, Италию и Галлию, — которые делились на более мелкие административные единицы — диоцезы. Он также учредил государственный совет при императоре — консисторий. При Константине продолжилась дальнейшая варваризация армии.

В начале своего правления Константин, как и все предыдущие императоры, был язычником. В 310 году, после посещения священной рощи Аполлона, ему было видение бога Солнца, после чего обратил свой взор к митраизму. Через два года во время войны с Максенцием, по словам самого Константина, к нему во сне явился Христос, который повелел начертать на щитах и знамёнах своего войска греческие буквы ХР, а на следующий день Константин увидел в небе видение креста на фоне Солнца и надписи «Сим победишь!». Видя в зарождающемся христианстве не столько угрозу митраизму, сколько способ модернизировать последний в соответствии с духом времени, в 313 году Константин издал Миланский эдикт — первый в истории человечества документ, официально утверждающий свободу вероисповедания. Мнение ряда учёных, что Милан-

ский эдикт провозгласил христианство единственной религией Империи, не находит подтверждения ни в тексте эдикта, ни в обстоятельствах его составления. Так, профессор В. В. Болотов отмечает, что «эдикт дал свободу всему населению Империи держаться своей религии, при этом не стеснил привилегии язычников и открыл возможность перехода не только в христианство, но и в другие, языческие культы».

Тем не менее, считается, что при Константине христианство стало обретать статус государственной религии: эдиктом 313 года на имя Анулина, проконсула Африки, он освободил от податей и повинностей «клириков католической церкви, в которой председательствует Цецилиан», в том же 313 году он созвал собор в Риме под председательством папы Мельхиада, чтобы решить спор донатистов карфагенского епископа Цецилиана. На соборе было принято решение против донатистов, которые апеллировали к Константину; в результате по его указу епископы-донатисты были приговорены к изгнанию, их церкви — конфискованы. Эдикт 313 года об освобождении от податей церкви Цецилиана был продолжен законом 319 года, которым он освободил церкви и клир от налогов и общественных повинностей. Закон 321 года утвердил за церквями право приобретать недвижимое имущество и владеть им. По всей Империи возводились христианские храмы, подчас для их возведения разбирались храмы языческие, ряд известных языческих храмов был разрушен по велению Константина.

Предоставляя христианству особый статус и поддерживая церковь, Константин активно вмешивался в церковные дела, добиваясь единства католической (от греч. καθολική — всеобщей) церкви как условия единства Империи и выступая арбитром в межцерковных спорах. Когда между александрийским священником Арием и епископом Александром разгорелся христологический спор, грозивший церковным расколом, Константин созвал Никейский собор 325 года, на котором поддержал сторонников Александра против ариан. На этом же соборе Константин заявил епископам: «Вы — епископы внутренних дел церкви, я — поставленный от Бога епископ внешних дел». На соборе арианство было осуждено, указами Константина Арий и ряд арианских епископов были сосланы.

Константин умер 22 мая 337 года в Аквирионском дворце в предместье Никомедии. Своими наследниками он считал трёх своих сыновей (цезари Константин II, Кон-

станций II, Констант) и двух племянников (цезарь Далмаций Младший и Аннибалиан, женатый на Константине Августе, дочери Константина). Незадолго до смерти Константин провёл удачную войну против готов и сарматов. В начале 337 года больной император отправился в Еленополис пользоваться ваннами. Но, почувствовав себя хуже, он велел перевести себя в Никомедию. Согласно церковной легенде, перед смертью, собрав епископов, он признался, что мечтал принять крещение в водах Иордана, но по воле Божьей готов принять его здесь, поэтому принято считать, что Константин был первым христианским императором. Поскольку иных свидетелей этого, кроме христианских епископов, явно заинтересованных в такой трактовке событий, не было, есть серьёзные основания усомниться в достоверности этой истории. Как считает исследователь раннего христианства Дмитрий Алексеев, «сам факт, что император Константин жил и умер язычником, сомнению не подлежит»: христиане «крестили на смертном одре», окатив водой остывающий труп императора».

6. Христианство и митраизм

Каковы же были подлинные религиозные представления Константина? По-видимому, император испытывал постоянную, неодолимую потребность в божественном спутнике и покровителе, и этим покровителем, как отмечалось выше, стал бог-Солнце (иначе говоря — Шамаш-Диабака в различных его ипостасях), которому широко поклонялись во всей Империи и которого с давних пор почитали предшественники Константина. Со времени Миланского эдикта он уже не сомневался в своей личной склонности к митраизму, который считал «самой справедливой и светлой религией», всё больше отождествляя верховную власть с Митрой и Гелиосом, а последних, в свою очередь — с Христом, окружённым двенадцатью апостолами — зодиакальными созвездиями.

В течение нескольких лет Константин предпринял ряд благоприятных для митраистов меры. Отныне митраистские братства и государство были призваны действовать в тесной связи. У императора всё более крепла уверенность в своей божественной

миссии слуги Солнца, одерживающего победы под покровительством Митры, а Соборы в Арелате (в 314 г.) и в Никее (в 325 г.) со всей ясностью показали, кто на самом деле их возглавляет. На Никейском соборе был сформулирован символ веры и структура церковной организации Империи, причём этот символ веры был, по сути, митраистским, а не христианским.

В первые века нашей эры митраизм составлял серьёзную конкуренцию христианству, поскольку Митра воспринимался как спаситель, указывающий людям путь к вечной жизни. Многие исследователи считают, что день рождения Митры — 25 декабря — стал днём рождения Христа именно вследствие параллельного существования двух сильнейших религиозных систем в одно время и в одном месте. Среди митраистских идей, родственных христианству, можно отметить легенду о народившемся боге и пастухах, пришедших поклониться новорождённому, окропление святой водой, празднование воскресенья (*Nemera Heliou, Dies Solis*) как дня, посвящённого богу, причащение хлебом и вином, а также веру в вознесение богочеловека на небо. Жрецы культа Митры, так же как и христианские богословы, сулили митраистам воскресение и бессмертие души.

Близость доктрин митраизма и христианства предопределила общность многих концепций для обеих религий. Митраисты видели в Митре бога света и грядущего Спасителя — избавителя человечества. Христиане видели в Христе того же Спасителя. Христос — сын Божий, и Митра — сын Божий. Христос родился от девы, и Митра родился от девы. Даже рождественские мифы митраистов и христиан очень похожи: по преданию, Митра родился в гроте, и, согласно одной версии, первыми об этом узнали пастухи, а согласно другой версии — маги (зороастрийские жрецы), которые принесли божественному младенцу дары — золото и благовония. Митра, как и Христос, является посредником между людьми и Богом. И Христос, и Митра творят волю Бога-Отца, пославшего их на землю, с той лишь разницей, что Христос — сын Яхве, а Митра — сын Ахура-Мазды.

Даже символика христианства и митраизма чрезвычайно близка: и там, и там мы встречаем изображение креста, с тем отличием, что митраисты изображали крест в круге. Крест в круге — древнейший солярный символ, который можно встретить во мно-

гих традициях. В христианстве крест стал символом мученичества и страдания, хотя нечто солярное в его символике всё-таки осталось: праздник рождества Христова отмечается во время зимнего солнцестояния — 25 декабря. Рождение Митры 25 декабря, в самую тёмную ночь года в тёмной пещере, символизирует рождение света и появление надежды на скорое возрождение природы после символической зимней смерти. Вероятно, первые христиане вкладывали в космический акт рождения Иисуса Христа тот же смысл.

Крест в круге можно увидеть и на сценах священной трапезы Митры и бога Солнца. Круглый ритуальный хлеб, лежащий перед Митрой, надрезан на четыре части, возможно, для более удобного его преломления, но скорее всего — для придания акту священной трапезы большего сакрального символизма. Хлеб и сладкое вино — святое причастие митраистов — символизировали блаженство в будущей жизни в царстве доброго Митры. Христианское таинство причастия творится как воспоминание о Тайной Вечере Иисуса Христа и апостолов. Ритуальная трапеза митраистов также является символическим воспроизведением священного пира Митры и его помощников. Ещё одно таинство христианской церкви имеет аналогию в ритуалах митраизма — крещение-омовение неофитов, которое в понимании служителей культа Митры способствовало очищению от прошлых грехов человека, посвящаемого в мистерии. Жрецы Митры осуществляли помазание посвящаемых мёдом, что напоминает христианское миропомазание.

Митраистские жрецы, так же как и христианские священнослужители, воспринимали себя посредниками между людьми и божеством и данной им властью могли исповедовать паству и отпускать грехи кающимся грешникам, налагая на них строгую епитимью. Стремление к духовной чистоте, которым особенно выделялся митраизм среди прочих языческих религий поздней античности, предопределяло суровые морально-этические требования к его последователям, что опять же роднит митраизм с аскетическим христианством.

Религия с давних времён являлась прекрасным средством поддержания спокойствия в обществе и служила незаменимой опорой государственной власти. В этом отношении христианство многому научилось у митраизма, в частности, понятие воинст-

вующей церкви целиком было воспринято из идей митраизма. Сама организация церкви братьев во Христе во многом напоминала стройную систему организации братств дисциплинированных митраистов, а высший сан католической конфессии дублировал высшую степень митраистских посвящений и назывался так же, Pater — «Отец», или просто «Папа». По сей день христианские священнослужители высокого сана — архиепиеи и архимандриты — носят головной убор, называемый митрой, доставшийся им в наследство от жрецов персидского божества, а митрополиты по-прежнему управляют столичными епархиями, что является лучшим свидетельством живучести идей митраизма.

Между христианством и митраизмом так много общего, что на это невозможно не обратить внимания. Какая религия из двух оказала на другую большее воздействие: культ Митры, исповедуемый индоариями со II тысячелетия до нашей эры, или же молодое христианство, только набирающее силу? Ответ на этот вопрос вполне очевиден. Братский и демократический дух первых коммун и их истоки покорности, идентификация объектов поклонения с солнцем и светом, легенды о пастухах и дарах, о наводнении, представление в искусстве огненной колесницы, получение воды из скалы, использование колокольчика и свечи, святой воды и причащения, освящение воскресения и 25 декабря, упор на моральный кодекс, воздержание и самоконтроль, доктрины неба и ада, откровения, размышления о логосе, происходящем от божественного, искупляющая жертва, постоянная борьба между добром и злом с победой первого, бессмертие души и последний суд, воскрешение плоти и огненная гибель Вселенной — только некоторые из сходств, кажущихся или реальных, позволивших митраизму долго соперничать с христианством. По всей вероятности, подобное слияние христианства и митраизма было делом рук римских цезарей. После установления христианства в качестве официальной государственной религии число приверженцев Митры было столь велико, что насильственная христианизация могла спровоцировать настоящий социальный взрыв. Власти предрержащие пошли на компромисс, соединив оба учения воедино, внося в миролюбивое и пацифистское, по сути, христианство воинственные идеи культа Непобедимого Солнца.

Римская империя в те годы находилась в состоянии длительной войны с Персией, и установление митраизма, персидской по происхождению религии (и римляне, и персы молились одному божеству — Митре), в качестве государственной идеологии означало бы духовную и конфессиональную зависимость Рима от Персии. Римских цезарей, стремившихся к установлению собственной гегемонии, такая перспектива совершенно не устраивала, поэтому христианизация была единственным средством остановить экспансию восточных вероучений.

Культе Митры, покровительствующего порядку, закону, миру и власти, пришёлся по вкусу римским цезарям, многие из которых сами приняли митраизм, о чём свидетельствуют многочисленные надписи и посвящения на монументах, чётко связывающие культ Непобедимого Солнца Митры с идеей римской государственности. Число поклонников этого божества было в то время столь велико, что митраизм вполне мог бы стать мировой религией. Однако этого не произошло, и немаловажной причиной поражения митраизма и его постепенного забвения была его обрядовая, церемониальная сторона. Дело в том, что митраизм был предельно строгим, даже жёстким учением, требовавшим от своих адептов дисциплины и личного мужества. В христианстве раскаявшийся в конце жизни преступник мог получить отпущение грехов и надежду на спасение души. Митраист же должен был на протяжении всей своей жизни неукоснительным образом соблюдать морально-нравственные предписания своей веры.

Другим препятствием на пути превращения митраизма в государственный культ был его закрытый, мистериальный и элитарный характер, полностью исключавший участие женщин в отправлении обрядов и священнодействий. В отличие от христиан, стремившихся обратить в свою веру как можно больше людей, митраисты (как и гностики) искали индивидуального просвещения и совершенствования. В итоге христианство не столько вытеснило митраизм, сколько поглотило его, заимствовав некоторые внешние формы и приспособив их к собственным нуждам.

7. De Vermis Mysteriis

Религиозные процессы при Константине можно сравнить с таковыми в России 1980/2000-х годов: так же, как и тогда, ликвидация монополии государства на идеологию привела сперва к стремительному росту многочисленных сект и культов, затем же интересы государственной политики неизбежно привели к возвышению той из сект, которая более всего удовлетворяла требованиям автократии. Тем не менее, Миланский эдикт сыграл на руку не только христианам, но и другим религиозным организациям, в том числе всевозможным почитателям Древних, жрецы которых смогли, наконец, отмежеваться от своих более благообразных античных аналогов. Из секретных документов, написанных по приказанию последнего языческого императора Рима Юлиана Отступника (331/332 — 26 июня 363) и дошедших до наших дней в виде небольших отрывков, становится известным, что рукоположение Терция Цибелия в традицию Древних было совершено в Египте эфиопским чернокнижником Талимом, утверждавшим, что является не человеком, а воплощением одного из слуг Древних, и, по всей видимости, обладавшим одним из списков Книги Дагона. Точной даты этого события неизвестно, но, поскольку с текстами наследия Древних Терций познакомился ещё в Сирии, есть основания считать, что оно произошло вскоре после расформирования легиона и окончания Терцием воинской службы.

Получив посвящение, Терций перебрался в Византий, новую столицу Империи, где начал работу над трактатом, озаглавленным им «De Vermis Mysteriis» («Тайны Червя»). В это время, по скудным сведениям, которыми мы располагаем, Цибелий жил в скромном доме, доставшемся ему по наследству, откуда руководил семейным бизнесом по обработке древесины и где содержал свою коллекцию рукописей и предметов старины. Пользуясь семейными торговыми связями, Терций учредил целую сеть обществ, почитавших Древних, на востоке Балканского полуострова, в Малой Азии и на Карпатах. Лексический и мифологический анализ текста Тайн Червя позволяет уверенно сказать о том, что некоторые фрагменты книги (в частности, бóльшая часть заклинания «Во имя пребывающего во мраке, стоящего за чертою», некоторые описания и знаки владык

мерзостей и некоторые финальные гимны и заклęcia Книги Мерзостей) напрямую заимствованы из более ранних шумеро-аккадских источников, по всей видимости, сохранившихся после разрушения Ниневии.

Таким образом, за четыре столетия до Некрономикона появился труд на латинском языке, в котором упоминались имена Древних. Книга очень быстро распространилась среди знатоков чёрной магии и была запрещена христианскими императорами. При Феодосии I Великом практически все её экземпляры были уничтожены. Но в руках адептов Альяха, нашедших приют среди варваров на дальних рубежах Империи, «Тайны» уцелели. В каком-то смысле благодаря преследованиям, которым подвергались культы Древних, они шествовали впереди Благой Вести, изгнанные из цивилизованных стран, и многие варварские народы узнали и приняли их прежде крещения. Древняя традиция быстро укоренялась на почве язычества, снова отождествляясь с местными божествами, и миссионеры, путешествуя по Галлии и Британии, были сильно удивлены, когда сталкивались с действующими демонопоклонническими сектами в среде людей, впервые узнавших о Христе как о лжепророке и незаконнорождённом сыне земных богов, а не спасителе мира.

Тайны Червя сохранились до наших дней в нескольких различающихся списках. Тот экземпляр (в двойном переводе с латинского: сперва на арабский, затем на греческий), который был обнаружен нами в Библиотеке Абдуллы аль-Хазраджи, содержит некоторые дополнения, сделанные Абдуллой и отсутствующие в других списках (например, вступление и заключение к ней, а также Книга Й'иг-Голонака). В свою очередь, стилистика Книги Й'иг-Голонака сильно отличается от стилистики большинства текстов Абдуллы аль-Хазраджи, но близка к текстам Книги Племян, Призывания гулей и некоторых других фрагментов, что, по всей видимости, указывает на то, что «безумный араб» пользовался одним источником при включении их в свой трактат. В списках Тайн Червя, дошедших до нас через аббата Бартелеми, кроме указанных выше, отсутствуют также фрагменты, позаимствованные из шумеро-аккадских текстов. Начиная с середины XIX века, книга в этой редакции время от времени появлялась в лавках книготорговцев (наиболее известен перевод 1932 года, напечатанный в одной из частных типографий Лейпцига). С этого же списка книга переведена на русский, причём анализ

русского и английского текстов позволяет сделать однозначный, хотя и несколько неожиданный вывод, что английский перевод делался с русского и, следовательно, что A.M.C.Vendetta, по всей видимости — сообщество русскоязычное.

Однако одна из наиболее интересных версий De Vermis Mysteriis, по всей видимости, не дошла до наших дней, сохранившись лишь в цитатах и упоминаниях. Речь идёт, конечно же, о Тайнах Червя знаменитого фламандского мага, алхимика и некроманта Людвиг Принна.

Часть IV. «Тайны Червя» Людвиг Принна

1. Бонифаций I Монферратский

Согласно преданию, Людвиг Принн, автор комментариев и дополнений к Тайнам Червя — не кто иной, как добившийся средствами чёрной магии сверхъестественной продолжительности жизни Бонифаций I Алерамид, маркграф Монферрата (Пьемонт, Северная Италия), участник Четвёртого крестового похода (1202-1204) и первый правитель Фессалоникского государства. Это кажется нам весьма сомнительным (и прежде всего не только по причине маловероятности поддержания такого долголетия даже оккультными способами, но и потому, что смерть Бонифация надёжно задокументирована), хотя мы и не можем отрицать такой возможности полностью. Скорее, Людвиг Принн является либо потомком Бонифация (что маловероятно, поскольку родословное древо Алерамидов подробно изучено), либо его «полномочной инкарнацией», либо, скорее его преемником в служении Древних, к которому он приобщился на Балканах. Так или иначе, мы будем исходить от того, что это разные люди, поскольку даже в том случае, если легенда соответствует действительности, Принну в христианском мире, конечно же, приходилось скрывать свою подлинную сущность и свой истинный возраст.

Бонифаций I Монферратский родился в 1150 году, по происхождению — маркграф Монферратский, сын Вильгельма V Старого и Юдифи Австрийской, брат Виль-

гельма по прозвищу Длинный Меч и Конрада Монферратского. В 1191-1193 годах воевал на стороне императоров Фридриха I и Генриха VI против Ломбардской лиги, в 1194 году — против Сицилии. Примерно в 1170 году его женой стала Елена ди Боско, родившая ему троих детей: Гульельмо, Беатрису и Агнессу. В 1204 году он женился на Маргарите (Марии) Венгерской, дочери Белы III, вдове императора Исаака II Ангела, сыном которой был Димитрий, будущий король Фессалоники.

В 1198 году римским папой стал Иннокентий III. Новый папа планировал воодушевить рыцарей на новый поход в Святую землю. К этому времени крестоносцы уже делали несколько неудачных попыток отвоевать Иерусалим. Иннокентий III хотел стать во главе Крестового похода и тем самым восстановить авторитет Рима, который был подорван Германией. Разослав легатов во все католические страны с требованием отдать сороковую часть имущества на новый поход, папа начал сбор средств.

В 1201 году, после смерти Тибо Шампанского, Бонифаций Монферратский был избран в Суассоне предводителем похода. По первоначальной договорённости венецианцы обязались доставить французских крестоносцев по морю к берегам Святой земли и обеспечить их оружием и провиантом. Из ожидавшихся 30 тысяч французских воинов в Венецию прибыло только 12 тысяч, которые в силу своей малочисленности не могли оплатить зафрахтованные корабли и снаряжение. Тогда венецианцы предложили французам, чтобы в качестве платы те оказали им помощь в нападении на подвластный венгерскому королю портовый город Задар в Далмации, который был главным соперником Венеции на Адриатике. Первоначальный план — использовать Египет в качестве плацдарма для нападения на Палестину — был на время отложен. Узнав о планах венецианцев, папа запретил поход, однако экспедиция состоялась и стоила её участникам отлучения от церкви. В ноябре 1202 объединённая армия венецианцев и французов обрушилась на Задар и основательно его разграбила. Вскоре по политическим мотивам папа отменил отлучение, формально оставив его в силе для венецианцев — инициаторов вероломного захвата.

Затем венецианцы предложили французам ещё раз отклониться от маршрута и повернуть против Константинополя, чтобы восстановить на троне свергнутого византийского императора Исаака II Ангела. Смещённый с престола и ослеплённый своим

братом Алексеем, он сидел в Константинопольской тюрьме, в то время как его сын — тоже Алексей — обивал пороги европейских властителей, пытаясь склонить их к походу на Константинополь, и раздавал обещания о щедром вознаграждении. Не обращая внимания на запрет папы, крестоносцы прибыли к стенам Константинополя, взяли город и вернули Исааку трон. Однако восстановленный император «передумал», а после того, как в Константинополе произошло восстание и императора с сыном сместили, надежды на компенсацию и вовсе растаяли. Тогда маркграф Бонифаций, стоя под стенами города, передал императору послание следующего содержания: «Мы тебя из дыры достали, в дыре же и утопим». Крестоносцы захватили Константинополь во второй раз и теперь уже грабили его в течение трёх дней, начиная с 13 апреля 1204. Уничтожались величайшие культурные ценности, было расхищено множество христианских реликвий.

Четвёртый крестовый поход, превратившийся из «пути ко Гробу Господню» в венецианское коммерческое предприятие, приведшее к разграблению Константинополя латинянами, обозначил глубокий кризис крестоносного движения. Итогом этого похода стал окончательный раскол западного и византийского христианства. Собственно Византия после этого похода перестаёт существовать как государство более 50 лет; на месте бывшей империи создаются новые государства: Латинская империя, Никейская империя, Эпирский деспотат и Трапезундская империя. Часть бывших имперских земель в Малой Азии были захвачены сельджуками, на Балканах — Сербией, Болгарией и Венецией.

2. Фессалоникское государство

По договору, заключённому в марте 1204 года между дожем Венецианской республики Энрико Дандоло, графом Балдуином Фландрским, маркизом Бонифацием Монферратским и другими предводителями крестоносцев, было установлено, что из владений Византийской империи будет образовано феодальное государство, во главе которого будет поставлен избранный император; он получит часть Константинополя и

четверть всех земель империи, а остальные три четверти будут разделены пополам между венецианцами и крестоносцами; собор Святой Софии и выбор патриарха будут предоставлены духовенству той из указанных групп, из которой не будет избран император. Во время Крестового похода Бонифаций держался в тени Энрико Дандоло, который финансировал экспедицию. Однако при основании Латинской империи он рассчитывал занять императорский трон и сочетался браком с вдовствующей императрицей Марией. Венецианцы заблокировали избрание его императором, опасаясь чрезмерного усиления Монферратской династии. В Константинополе воцарился Балдуин I Фландрский, а его брат и наследник Генрих I Фландрский взял в жёны дочь Бонифация (если не учитывать версию о том, что Людвиг Принн и Бонифаций I — одно лицо, то связь Бонифация с Фландрией и, соответственно, возможность попадания туда наследия Древних можно искать и здесь).

В 1204 году Бонифаций захватил Фессалоники, второй по величине город империи, который, согласно его планам, должен был стать центром независимого королевства. Но на город предъявил права Балдуин, который в это время должен был отдать Крит Венеции. Пытаясь завладеть Фессалониками, Бонифаций опирался на то, что его брат Ренье Монферратский был женат на дочери императора Мануила Комнина — Марии, приданым которой якобы и был данный город. Борьба закончилась тем, что в качестве компенсации Бонифацию были переданы византийские области к востоку от Босфора вместе с Македонией и Фессалией, а также остров Крит, в обмен на признание вассальной зависимости от Латинской империи. Многие из этих земель предстояло ещё покорить, и крестоносцы лишь постепенно утвердились в некоторых из них, вводя всюду феодальные порядки, отчасти раздавая земли в лен западным рыцарям, отчасти сохраняя их, как лен, за их прежними владельцами, конфискуя земли православных монастырей. Византийское население, однако, сохранило, в большинстве случаев, свои законы и обычаи, прежнюю организацию местного управления и свободу религии.

Приступив к правлению, Бонифаций начал завоевания на южном направлении — во внутренней части Греции. Постепенно ему удалось разбить остатки византийских войск, а наибольшее сопротивление ему оказал византийский магнат Лев Сгур, владевший Коринфом, Нафплионом и претендовавший на Афины. Бонифаций захватил Афи-

ны в 1204 году, а в 1204-1205 годах его войска участвовали в захвате Пелопоннеса. На захваченных территориях образовались герцогство Афинское и Ахейское княжество. Такая тактика создала вокруг королевства кольцо вассальных государств, хотя византийцы продолжали оказывать сопротивление во главе со Сгуром, находившимся в Коринфе вместе с бывшим императором Алексеем III (его дочь Евдокия была супругой Льва). Бонифаций захватил Эвбею и позже начал осаду Коринфа и Нафплиона. Но осада затянулась, и восстание 1205 года в Фессалониках заставило его вернуться в свои владения. В это время император Балдуин I был побеждён болгарским царём Иоанном Калояном в битве при Адрианополе.

Будучи в Македонии, Бонифаций приобщился к одному из тайных обществ, имеющих преемственность от посвятительской сети Терция Цибелия. Нетрудно понять, что Бонифаций не испытывал почтения ни к западной ветви христианства, уже однажды отлучившей от церкви его и его товарищей, ни к восточной, в поспрании святынь которой он самолично принимал участие при разграблении Константинополя. В культе же Аляха он нашёл не только надёжную духовную опору, но и (во всяком случае, так полагал он) возможность обрести бессмертие, поэтому он со всей щедростью поддерживал культ по всему Фессалоникскому государству и за его пределами. Однако правление Бонифация продолжалось всего 3 года, а 4 сентября 1207 года он был убит в организованной болгарами засаде в южной части Родоп. Его голова была отрезана и послана царю Калояну в Тырново, из его черепа болгарский царь сделал чашу. В Фессалониках ему наследовал двухлетний сын от брака с Марией Венгерской — Димитрий, а Монферрат получил старший — Гульельмо. В Фессалоникском государстве началась борьба за власть между двумя группировками баронов. Одна из них, чью основу составляли бароны ломбардского происхождения, пыталась освободиться от власти Латинской империи, поддержав кандидатуру маркграфа Вильгельма VI Монферратского. Генрих I Фландрский победил их мятеж, и регентом при малолетнем короле был назначен Евстахий Фландрский, а в крепостях были поставлены гарнизоны из Константинополя. Обрёл ли Бонифаций Монферратский бессмертие каким-либо иным образом, кроме как в памяти потомков, неизвестно, однако восходящая к нему линия преемственности в традиции Древних сохранялась ещё долгие века.

3. IX крестовый поход

О преемниках Бонифация как основоположника одной из инициативных линий культа Альяха известно мало. Все они, как следует из приведённого в начале раздела предания, упоминаются под одним и тем же именем — как Людвиг Принн, — поэтому нельзя достоверно сказать, какие события происходили с одним человеком, какие — с разными, если только они не разнесены веками. Считается, что один из «Приннов» принимал участие в Девятом (последнем; согласно другой нумерации, этот поход считается Восьмым) крестовом походе. Он был вызван успехами мамлюкского султана Бейбарса. Египтяне в 1260 году разбили монгольские войска в битве при Айн Джалуте. В 1265 году Бейбарс захватил крепости крестоносцев Кесарию и Арсуф, а в 1268 году — Яффу и Антиохию. Крестовый поход возглавил Людовик IX Святой, а участвовали в нём только французские рыцари.

Девятый крестовый поход известен тем, что является последней серьёзной попыткой европейцев вторгнуться в земли арабов. Численность крестоносной армии не превышала 10 тысяч человек. К тому времени рыцари уже не стремились далеко на Восток, так как легко находили работу в Европе, постоянно сотрясаемой феодальными междоусобицами. Знать уже не желала продавать своё имущество, чтобы отправиться в далёкие пустыни. Впервые руководителю крестового похода пришлось взять на себя расходы полностью и платить жалованье рыцарям. Людовик дал клятву идти в Святую землю и получил Крест из рук легата. То же самое проделали и все его три сына. Папа римский известил палестинских христиан о новом крестовом походе. Но на военном совете было решено идти в Тунис, находившийся под властью династии Хафсидов.

14 июля французские корабли достигли берега древнего Карфагена. Высадившись, крестоносцы захватили башню, охраняемую маврами, разбили неподалёку лагерь и начали готовиться к осаде Туниса. Французы питались солёным мясом, их мучили голод и жажда. В лагере произошли вспышки лихорадки и дизентерии. Умер юный принц Иоанн Тристан. Вскоре заболел и Людовик IX. Он повелел молиться за него и изрёк наставление своему наследнику Филиппу. Через некоторое время Людовик IX

скончался. Его брат Карл I Анжуйский, король Обеих Сицилий, прибыл в Тунис со свежими силами, чем спас крестоносное войско от распада. 1 ноября он подписал договор, по которому тунисский эмир возобновил в полном объёме выплату дани королевству Обеих Сицилий. Также христианским священникам позволялось селиться в нём и проводить проповеди в местных церквях. После этого крестоносцы ушли из Туниса. На обратном пути крестоносцев ждала морская буря. Погибло четыре тысячи воинов, в том числе и брат короля. Филипп III Смелый отправился во Францию. На пути домой погибла и юная королева. Опечаленный монарх вёз на родину останки отца, брата и жены.

Сын английского короля Генриха III Эдуард (позднее Эдуард I) попытался продолжить поход в Палестине. Он успешно продвигался вперёд, но вскоре пожелал вернуться в Акру, чтобы обратить местного эмира в христианскую веру. Эмир отправил к Эдуарду посла, который оказался убийцей. Тот застал принца одного в комнате и бросился на него с кинжалом. Раненный в голову и руку, Эдуард всё же одолел посланника.

В 1285 году султан Египта мамлюк Килавун захватил крепости Марабу, Лаодикею и Триполи в Иерусалимском королевстве. Последним оплотом христиан в Сирии оставалась Акра. В 1289 году между Килавуном и королём Кипрским и Иерусалимским Генрихом II было заключено перемирие, однако вскоре оно было нарушено войсками Генриха, вторгшимися в пограничные области государства мамлюков. В ответ султан объявил крестоносцам войну.

Гарнизон Акры, получивший подкрепления из Европы, насчитывал 20 тысяч человек. Однако в рядах христиан не было единства. Осенью 1290 года Килавун выступил в поход, но вскоре заболел и умер. Армию возглавил его сын Альмелик Азшараф. В марте 1291 года мусульмане подошли к стенам Акры. Они располагали 92 осадными машинами. Переговоры о перемирии, предложенные защитниками города, не увенчались успехом. 5 мая армия султана начала штурм. Накануне в Акру прибыл король Генрих с небольшим войском, однако в ночь с 15 на 16 мая он вернулся на Кипр, причём к его отряду присоединилось около 3 тысяч защитников города. Оставшийся гарнизон насчитывал 12-13 тысяч человек. Они отбивали неприятельские приступы

вплоть до 18 мая, когда мусульмане смогли разбить ворота и разобрать заваленные обороняющимися бреши в стенах и ворвались на улицы Акры. Египтяне убивали мужчин-христиан и брали в плен женщин и детей. Часть защитников смогла пробиться к гавани, где села на корабли и отправилась на Кипр. Однако на море поднялась буря, и многие суда потонули.

Несколько тысяч оставшихся на берегу крестоносцев укрылись в замке тамплиеров, который войска султана быстро захватили штурмом. Некоторые из христианских воинов смогли прорваться к морю и сесть на корабли, остальные были истреблены египтянами. Акра была сожжена и сровнена с землёй. Это было возмездием за убийство египетского гарнизона Акры, совершённого английским королём Ричардом Львиное Сердце. После падения Акры христиане оставили и несколько небольших городов в Сирии, находившихся под их контролем. Таков был бесславный конец крестовых походов.

4. От Сирии до Фландрии

В одном из последних сирийских оплотов рыцарства и проживал тогдашний «Людвиг Принн». Существует ряд доказательств, позволяющих предположить, что «Принн» был членом прусского ответвления Ордена Тамплиеров или, по крайней мере, имел к нему непосредственное отношение. По всей видимости, некоторое время он также участвовал в административных делах Тевтонского ордена в Восточной Пруссии и других землях на северо-западе Европы, в частности, около 1270 года, незадолго до похода, принимал участие в основании замка Шаакен на месте прусской крепости Зоке, позднее Шокин (совр. пос. Некрасово Гурьевского района Калининградской области). Поскольку в рыцарские ордена вступали, как правило, с 21 до 30 лет, на момент падения Акры «Принну» (при условии, конечно, что на тот момент он был рыцарем, а не оруженосцем или светским помощником одного из этих двух конкурирующих орденов) было не менее 42-51 года. Ещё спустя некоторое время (от нескольких месяцев до пары лет) он во время одного из столкновений с сарацинами попал в плен.

Изначально «Принна» держали в рабстве, однако в связи с образованностью и, видимо (опять же — в том случае, если легенда о его долголетию не верна), преклонным возрастом он был на привилегированном положении, выполняя функции писца, архивариуса и другие необременительные обязанности. Путешествуя с кочевниками, он побывал в большинстве стран Ближнего Востока и несколько раз переходил от хозяина к хозяину. Однажды он оказался в племени, исповедующем одно из направлений гностического сабейства, что позволяло (при должной маскировке эзотерической сути своей религии) пользоваться обещанной Кораном веротерпимостью к «народам Книги». Наружно племя придерживалось обрядности одной из исмаилитских сект, низаритов, в действительности же его Книгой было не что иное как Китаб аль-Азиф, иначе говоря, Некрономикон, а наиболее почитаемыми божествами — Йог-Сотот (известный среди арабов под именем Умара ат-Тавиля), Й'иг-Голонак и Ньярлатхотеп. Будучи изначально проданным этому племени как раб, «Принн» вскоре отрёкся от христианского бога, принял верования своих хозяев и вскоре за глубину познаний и веры был освобождён из рабства и принят в племя как равный. Вместе с соплеменниками он практиковал призывание «джиннов» и «ифритов», под которыми подразумевались Древние разных рангов и их слуги.

В течение последующих лет «Принн» (и этот, и его преемники) бывал во многих местах по всему Ближнему Востоку. Известно, что он провёл значительное время в Египте и Палестине. Некоторое время он проживал с низаритскими мудрецами близ Пальмиры у подножия Джебаль-Ансари, известной также как «Чёрная Вершина». Переодетый нищим или юродивым, он вместе с единоверцами совершал паломничества к самым тёмным и зловещим местам на земле, в которых искал ключи к тайнам демонологии. Известно также, что однажды он совершал паломничество к руинам Хоразина на берегу Галилейского моря. Некоторое время он провёл в Александрии, после чего среди дервишей Ливии долго ходили легенды о его удивительных способностях как ясновидящего. Бывал он и в Месопотамии.

Он был связан с рядом всевозможных групп и организаций, в том числе с легендарными ассасинами, которые, хотя и рассеянные по горам и подпольям после разгрома исмаилитского государства (сперва Хулагом, внуком Чингисхана, а затем египет-

ским султаном Бейбарсом I), продолжали функционировать как тайное общество. Утверждают, что он выступал посредником между ними и тамплиерами до того, как в 1312 году этот орден был распущен. Далее следы «Принна» (или, точнее, тайного наследника Бонифация I Монферратского как лидера одной из линий преемственности культа Альяха) пропадают более чем на сто лет, пока уже исторический Людвиг Принн, автор комментариев и дополнений к *De Vermis Mysteriis*, не появляется в XV веке во Фландрии в нелёгкий период Габсбургского владычества.

5. Фландрия времён Габсбургского владычества

В древние времена Фландрия была населена кельтскими племенами (бельги) — моридами, атребатами, менаниями; после покорения Галлии Цезарем принадлежала к римской провинции *Belgica secunda*. Римское владычество оставило гораздо менее заметные следы в северной части Галлии, чем в средней и особенно в южной.

Нашествия германцев на Фландрию начались рано; в начале IV века саксонские и франкские племена стали мало-помалу заселять страну с севера (морем) и с востока; к VI веку германское обычное право окончательно водворилось в стране. В этнографическом отношении романский элемент сохранился лишь в юго-восточной части Фландрии; север и юго-запад сделались германскими. Когда Хлодвиг основал на развалинах римской державы своё королевство, протекающая по Фландрии река Лис, приток Шельды, сделалась границей между Австразией и Нейстрией. В стране понемногу стало распространяться христианство, но первоначально его успехи были очень незначительны.

Названия Фландрия и фламандцы появляются в Меровингскую эпоху; так называлось первоначально только морское побережье, современная область Брюгге и Слёйса. Флеминги (буквально — изгнанники) — саксонское население Северной Фландрии; здесь уже намечались зачатки общественности и процветала исконно германская форма общежития — гильдии, с которой тщетно пытались бороться капитулярии каролингских королей.

Карл Великий, пытаясь подчинить и эту провинцию общим государственным установлениям, создал в 792 году должность «лесничего Фландрии», который был обязан не только управлять её богатыми лесами, но также поддерживать покорность жителей; эта последняя задача представляла большие затруднения, и хроники недаром много говорят о столкновениях лесничих с вольнолюбивым народом.

Основание фландрского графства Балдуином Железной Рукой (862 год) явилось прямым ответом на запросы времени. Владения Балдуина занимали не всю территорию Фландрии; за 20 лет до основания им линии графов фландрских по Верденскому договору (843 год) юго-восточная часть страны отошла к Германии. Новое графство образовалось на французской территории. Царствование Балдуина I и его ближайших преемников наполнено эпизодами, обычными для ранней феодальной эпохи: междоусобицами, борьбой с норманнами, с королём Франции, с соседними баронами и, главным образом, с герцогами Нормандии.

Новую эру открывает царствование Балдуина IV Бородатого (989-1036 годы). При нём и при его преемниках в стране начинает мало-помалу утихать военная смута; торговля и промышленность, развитию которых благоприятствуют как географическое положение Фландрии, так и предприимчивый характер её жителей, понемногу развиваются; усложняется городская жизнь, между горожанами завязываются всевозможные связи. В царствование Роберта I (1071-1092 годы) Фландрия окончательно сделалась христианской страной; до него в её глухих углах ещё держались языческие обычаи и тайные культы.

Со второй половины IX века Фландрия находилась в зависимости от Франции. В XII-XV веках она входила в число регионов Европы с наиболее развитой экономикой, в связи с чем там рано возникли и развились средневековые города, в которых большое влияние имели цеховые объединения городских ремесленников. Среди городов Фландрии наибольшее значение имели Гент, Ипр и Брюгге, в которых развивалось производство сукна. В начале XIV века Фландрия была оккупирована Францией, в 1384 году стала частью владений герцогов Бургундских, в 1477 году, при Марии Бургундской, вошла в состав владений Габсбургов. После гибели отца в январе 1477 года Мария унаследовала престол герцогов Бургундских, что позволило ей стать одной из самых

желанных невест Европы тех лет. Наследство Марии включало в себя районы нынешней северо-восточной Франции (Бургундию, значительную часть Лотарингии и Эльзаса), а также Франш-Конте, Фландрию, Эно и Брабант. Однако находившимся в катастрофическом экономическом состоянии герцогством (западная часть Бургундии) силой завладел французский король Людовик XI. Чтобы оправдать захват земель, Людовик предложил двадцатилетней Марии стать супругой его семилетнего сына дофина Карла. Но значительная часть подданных герцогини были против французского господства. В это время нашёлся ещё один претендент на руку Марии — сын императора Фридриха III. В итоге у Марии Бургундской, которая вышла замуж 14 августа 1477 года в Генте за эрцгерцога Максимилиана Габсбурга (впоследствии император Священной Римской империи Максимилиан I), остались графство Бургундия (Франш-Конте) и Нидерланды. Таким образом, эти владения вошли в состав фамильных владений дома Габсбургов.

Правопреемник Максимилиана, Карл V Габсбург (1500-1558), последний человек, когда-либо формально провозглашённый римским императором, был сыном герцога Бургундского Филиппа и испанской инфанты Хуаны. Он родился во владениях отца, в городе Генте. Отец, унаследовавший кастильскую корону от тёщи, проводил много времени в испанских владениях. Карл оставался жить в Нидерландах. Вскоре Филипп умер, а Хуана сошла с ума. Карл до 17 лет жил под покровительством тётки, Маргариты Австрийской, правительницы Нидерландов. До самой смерти он поддерживал с ней нежные отношения.

Благодаря скрещению династических линий Карл получил в наследство огромные территории в Западной, Южной и Центральной Европе, доньше никогда не объединявшиеся. Никто из европейских монархов, ни до, ни после, не имел так много титулов. Одних только королевских корон у Карла было девять — он одновременно был королём Леона и Кастилии, Валенсии, Арагона, Гранады, Неаполя, Сицилии, Богемии, а также титулярным королём Германии и Италии. Он сам называл себя сложно: «Избранный император христианского мира и Римский, присно Август, а также католический король Германии, Испаний и всех королевств, относящихся к нашим Кастильской и Арагонской коронам, а также Балеарских островов, Канарских островов и Индий, Антиподов Нового Света, суши в Море-Океане, Проливов Антарктического Полюса и

многих других островов как крайнего Востока, так и Запада, и прочая; эрцгерцог Австрии, герцог Бургундии, Брабанта, Лимбурга, Люксембурга, Гельдерна и прочая; граф Фландрии, Артуа и Бургундии, пфальцграф Геннегау, Голландии, Зеландии, Намюра, Руссильона, Серданьи, Зютфена, маркграф Ористании и Готциании, государь Каталонии и многих других королевств в Европе, а также в Азии и Африке господин и прочая».

28 июня 1519 года коллегия германских курфюрстов во Франкфурте единогласно избрала Карла V императором Священной Римской империи. 23 октября 1520 года Карл был коронован в Ахене. В период правления Карла V был составлен уголовный кодекс (принят в 1532 году), впоследствии получивший название *Constitutio Criminalis Carolina*. Он представляет собой процессуальный кодекс, 77 из 219 его статей посвящены материальному уголовному праву. По своему содержанию Каролина занимает промежуточное положение между римским и германским правом. Кодекс отличался особой жестокостью мер наказания и действовал до конца XVIII века.

Сам Карл V родился во Фландрии, в городе Генте. В 1549 году он издал Прагматическую санкцию, выделившую Семнадцать провинций из состава Священной Римской империи и сделавшую их наследственным владением дома Габсбургов. Разочаровавшись в идее строительства всеевропейской империи, после заключения Аугсбургского религиозного мира Карл 25 октября 1555 года отказался от Нидерландов в пользу сына Филиппа, а 16 января 1556 года сложил с себя испанскую корону. Неурожай 1566 года, повышение налогов, нетерпимость к набирающему обороты протестантизму породила реакцию в виде иконоборческого восстания, которое было спровоцировано агитаторами нарождающегося протестантизма. В 1567 году испанский король отправил в Нидерланды с широкими полномочиями герцога Альбу, чьи «антикризисные» меры буквально взорвали страну.

6. Ритуал из Чёрной Скрижали

Первые сведения об историческом Людвиге Принне относятся к Брюсселю, где он, по всей видимости, и родился не ранее сентября 1438 и не позднее сентября 1439 года. Время его зачатия было ознаменовано падением некоего «Чёрного Метеора». Утверждают, что против этого загадочного явления использовались формулы Чёрной Скрижали из «Тайн Червя» Терция Цибелия, хотя представляется куда более вероятным, что именно они как раз и послужили причиной этого события. Читавшему текст Скрижали нетрудно прийти к выводу, какой именно ритуал в это время проводился: конечно же, ритуал зачатия чародея из первой строки Скрижали.

Согласно Цибелию (и, по всей видимости, у производивших это делание были все причины строго следовать инструкции), для зачатия была избрана «дева невинная или вдова юная, не имеющая детей от мужа, рождённая и проведшая всю жизнь свою близ Врат». Для ритуала была сооружена деревянная комната из досок не менее 3,34 см толщиной и не менее 25 см шириной. Высота и ширина комнаты составляла около 5 метров, длина — около 10, меньшие стороны были обращены строго на восток и на запад, а посреди восточной стены была установлена на медных петлях специальная поднимающаяся дверь из того же дерева шириной около 1,25 м и высотой около 2,5 м. Перед дверью было построено другое помещение, примыкающее к палате — такой же ширины и высоты, но длиной от 3,5 до 4 м и с отверстием напротив двери, достаточным для того, чтобы проводивший операцию маг и женщина могли без труда в него пройти.

На полу первой комнаты угольной пылью был нанесён особый знак — Звезда Кадоша. Женщина, опоённая напитком из листьев ката (*Catha edulis*) и корня мандрагоры (*Mandragora officinarum*), во время церемонии лежала головой на запад. Под дверь был подложен кусок никем не ношеной красной ткани, пропитанный её потом, мочой и менструальной кровью, служащей для привлечения духа, который должен был воплотиться в младенца. Если проводивший операцию маг был не очень опытен, ему следовало вооружиться шестью песочными или водяными часами, рассчитанными на $\frac{1}{176}$ часть суток и предназначенными для правильного чтения восхваления из семи частей,

начало каждой из которых отделено от начала предыдущей именно таким необычным промежутком времени. Свидетельством явления воплощающегося духа служил громкий шум и грохот, доносящийся из второй комнаты (по всей видимости, именно эти события и стали известны окрестным жителям под именем «Чёрного Метеора»). После обряда комната разрушалась и сжигалась, а мать ждала рождения ребёнка, не покидая до этого момента своего дома.

Возмужав, Людвиг Принн, согласно инструкции, должен был «убить свою мать» (что, конечно же, вызывает стойкие ассоциации с наставлениями дзенского мастера Линь-цзы и таким образом может посеять сомнение в кровавой сути обрядов Альяха, открывающейся взору непосвящённого), сохранив её кровь, и отворить Врата, исполнив Обряд Скрижали, впускающий в мир «лики Отражений и чудовищных отпрысков их, от коих сам [он] родом». Далее в «Тайнах Червя» говорится, что «помешать сему может лишь расположение звёзд, ибо нет в руках смертного силы, способной остановить Нашествие, и лишь звёзды могут помочь заклинателю достигнуть успеха».

7. Жизнь Людвиг Принна

Известно, что в 1470/80-е годы Людвиг Принн поселяется в развалинах усыпальницы доримской эпохи в лесах Фландрии недалеко от Брюсселя, вдали от человеческого жилья. Утверждают, что компанию ему составляли некие таинственные существа: в дошедших до нас документах говорилось, что его окружали «невидимые компаньоны» и обслуживали «слуги звёзд» (скорее всего, это и были «лики Отражений и чудовищных отпрысков их», призванные Обрядом Скрижали). Очевидно, он жаждал изоляции от людей, стремясь продолжить обучение вдали от любопытных глаз. Тем не менее, слухи о его зловещих экспериментах доходили до окрестных деревень, жители которых старались держаться подальше от усыпальницы. Крестьяне не решались проходить ночью через лес, потому что боялись звуков, раздававшихся при луне, и не имели никакого желания видеть то, чему поклонялись древние кельты у своих алтарей, которые ещё стояли на тёмных полянах. Тем не менее, у Людвиг была, как минимум, одна связь с

женщиной по имени Эбигейл, от которой у неё остались дети (или, как минимум, один ребёнок). Предполагается, что среди потомков Людвига и Эбигейл была знаменитая Эбигейл Уильямс, главный свидетель обвинения по делу «салемских ведьм» (напомним, что одна из ведьм по фамилии Пикман была обладательницей греческой рукописи Некрономикона Феодора Филета, с которой делал перевод Оле Ворм). Другие претенденты на то, что они являются потомками Принна, упоминаются вплоть до XX века.

В течение многих лет Принн пользовался в округе дурной славой. Он приобрёл репутацию алхимика и умелого «некроманта», хотя не известно ни одного инцидента, способного оправдать последнее название. К нему приходило множество путников просить гороскопы, пророчества, а также приворотные зелья, отвары и талисманы. Дошедшие до нас рассказы намекают на его вечно меняющееся жилище, на сарацинские реликвии, на невидимых слуг, которых он вызывал колдовством. Все свидетели того времени, казалось, испытывали отвращение, когда дело касалось описания этих слуг. Все сходились на том, что страшный отшельник обладал властью над потусторонними силами. Вероятно, он выступал негласным советником различных культов и тайных обществ со всей «цивилизованной» Европы, однако неизвестно, с какими именно вопросами к нему обращались. Тем не менее, установлено, что среди его посетителей было немало высокопоставленных тевтонских рыцарей, в связи с чем представляется вероятным, что именно эти контакты привлекли к нему, в конце концов, внимание инквизиции, когда в 1525 году великий магистр Тевтонского ордена, Альбрехт Гогенцоллерн из династии Бранденбургских Гогенцоллернов, перешёл в протестантизм, сложил с себя полномочия великого магистра и объявил о секуляризации прусских земель — основной территории, принадлежавшей Тевтонскому ордену. Подобный шаг стал возможен с согласия польского короля и при посредничестве Мартина Лютера, хотя уверенно утверждать, что именно Лютер, а не Принн, был автором этого плана, нельзя. Новообразованное герцогство Пруссия стало первым протестантским государством в Европе, но продолжало оставаться в вассальной зависимости от католической Польши. Хотя Принн, разумеется, не был протестантом, ослабление инквизиции и католической церкви вообще было, конечно же, выгодно и тайным обществам демонопоклонников.

Такое предположение — лишь одна из причин, позволяющих уверенно утверждать, что год написания Принном своей книги и его казни — 1542, а не 1484, как сообщается в некоторых источниках. Кроме того, инквизиция на территории Нидерландов была установлена Карлом V лишь в 1522 году, что также делает маловероятным сожжения на костре в столице Фландрии в конце XV века. Наконец, появление первых протестантов в Нидерландах (с которыми, как отмечалось, в немалой степени совпадали интересы Принна) по времени практически совпадает с проповедью Лютера, однако ни лютеранство, проповедовавшее верность сюзерену (которым для Нидерландов был испанский король), ни анабаптизм не получили в стране значительного количества сторонников. Только с 1540 года здесь начал распространяться кальвинизм, хотя лишь к 1560 году, уже после смерти Принна, в протестантизм обратилось большинство населения Нидерландов.

8. «Тайны Червя»

Когда инквизиция, наконец, всерьёз занялась деятельностью Людвиг Принна, тому было около 90 лет. Расследование затянулось более чем на 10 лет, что было вызвано, прежде всего, глубоким кризисом католицизма во Фландрии того времени. Возможно также, святые отцы втайне надеялись, что старик отойдёт в мир иной без их помощи, ибо опасались магических сил, которыми тот повелевал. Однако в 1542 году «добровольные помощники правосудия» подстергли Людвиг в Брюсселе, куда тот иногда наведывался за нужными ему ингредиентами, и предали в руки инквизиции.

Таинственные слуги Принна не появлялись в его приюте прилюдно уже более десятка лет, с тех самых пор, как святая инквизиция обратила на него внимание. Явившиеся в усыпальницу, где он жил, солдаты обнаружили жилище пустым и разорённым. Они дограбили, что могли, и, уходя, разрушили его. Сверхъестественные существа, непонятные инструменты и другие принадлежности мага — всё исчезло самым непостижимым образом. Обыск в лесах и боязливый осмотр старых алтарей ничего не дал, разве что на алтарях обнаружили следы свежей крови. Самые изощрённые пытки ничего

не смогли вытянуть из молчаливого мага, кроме горделивого утверждения последнего, что он достиг небывалого возраста (хотя намекал он более чем на три века жизни, даже его настоящих 104 лет для такого заявления хватало). Один из инквизиторов заметил, что Принн, должно быть, безумен, коли способен игнорировать чудовищную боль, и уставшие палачи, в конце концов, бросили его в подземелье.

Именно там, в каменном мешке, ожидая суда, он воспроизвёл по памяти текст *De Vermis Mysteriis* Терция Цибелия, экземпляр которого принадлежал ему и бесследно пропал во время ареста, снабдив его предисловием и обширными комментариями, а местами существенно расширив сам текст. Где он брал письменные принадлежности и каким образом рукопись покинула застенки, несмотря на бдительность стражи, осталось тайной; по всей видимости, у Принна были сторонники даже здесь. Кажется весьма вероятным, что даже суд откладывался по каким-то причинам как раз до того момента, когда эта работа будет завершена, поскольку его приговорили к сожжению спустя несколько дней после того, как книга была дописана и контрабандой вынесена из тюрьмы. Казнь состоялась на одной из площадей Брюсселя. Как и во время пыток, Принн не проявил ни единого признака боли, зато, утверждают, осыпал собравшихся смехом и ехидными замечаниями. Никто не знает, почему именно в последние дни своей жизни Принн взялся отчаянно строчить свой адский шедевр, или зачем он потратил столько усилий, чтобы убедиться, что книга переживёт его. Можно сказать, он вложил в неё свою душу — и, быть может, не только в переносном смысле.

9. «Сарацинские ритуалы»

Мы с сожалением вынуждены признать, что даже та версия, которая публикуется нами в системе Завета Мёртвых — лишь фрагмент оригинального текста. По имеющимся у нас данным, исходный трактат Принна содержал порядка 90 отсутствующих у нас страниц машинописного текста, где и были представлены самые кровавые обряды древности...

Какие же сведения, отсутствующие в исходной версии Терция Цибелия, были включены в издание Людвиг Принна? Наиболее хорошо известно нам содержание главы «Сарацинские ритуалы», которая издавалась отдельно от остального трактата в XIX веке. В предисловии к «Тайнам Червя» Принн отмечает, что в «Сарацинских ритуалах» приведены «знания об ифритах и джиннах, секреты ассасинов, арабские предания о гулях, тайные практики дервишей и предания Внутреннего Египта». Во вступлении речь идёт сперва о нумерологии, и, в частности, говорится: «Имя человека, как и число его, чрезвычайно важно. Зная первое, колдун получает знание о человеке; зная второе, узнаёт о его прошлом, настоящем и будущем и тогда обретает над ним власть безграничную, кою сохраняет и после смерти несчастного». В другом абзаце содержится предостережение против щедрости колдунов: «Никогда не принимай даров от чародея иль заклинателя мёртвых. Лучше украсть у него то, что можно украсть, иль купить то, что можно купить, иль заработать то, что можно заработать, буде есть необходимость в том, — но ни за что не принимай сие в дар иль в наследство... Чародей не предложит руку дружбы тому, кого вознамерился соблазнить. Дурной знак, ежели заклинатель, дитя Червя, не подаёт тебе руки. Но стократ хуже, ежели, не подав руки однажды, он вдруг предлагает её». Завершается вступление цитатой из Аль-Азиф, подтверждающей знакомство Принна с этим гримуаром: «Ибо се есть молва старинная, что душа, Иблису запроданная, не спешит покидать глину плоти, но питает и научает самого Червя грызущего; покуда сквозь тлен не извергнется жизнь ужасная и не наберутся бледные падальщики земные хитрости, дабы вредить, и силы чудовищной, дабы истязать».

Затем следует описание т. н. «ритуала Червя». Он проводится в подземелии, по четырём углам которого располагаются жаровни с металлическими поддонами, на которых воскуриваются благовония, включающие белену и опиум. В ритуале, не считая жертвы, принимают участие тринадцать человек, один из которых — жрец. Все участники должны быть облачены в просторные мантии и подпоясаны. На полу подземелья изображаются магические круги (центральный и несколько примыкающих к нему). Ритуал начинается за час до полуночи с пения определённых гимнов, исполняемых сперва шёпотом, затем всё громче и отчётливее. Спустя полчаса после начала ритуала, как утверждается в книге, наступает «хлад великий». Пик ритуала приходится на полночь,

когда жертва, находящаяся в состоянии гипнотического транса, приглашается жрецом на место собрания словами: «Иди, [имя], ибо час близок. Встань и иди со мною, дабы постичь великие и ужасные таинства Червя!» В это время другие участники выкрикивают имя жертвы. Важно, что для правильного совершения ритуала, кроме имени, должны быть известны число, время и место её рождения, на основании которых вычисляется упомянутое во вступлении к главе число.

При появлении жертвы присутствующие склоняют головы, а жрец, вводя её в круг, произносит: «Встань здесь, [имя], и не бойся». По истечении определённого времени, отмеряемого обычно песочными часами, жрец, глядя в глаза жертвы, обращается к ней со словами: «Смотри же на меня, [имя], и внимай Мудрости Червя!» Далее участники произносят воззвание к Великому Червя Й'иг-Голонаку, «Пожирателю Людей». Когда они смолкают, жрец выкрикивает: «Червь! Червь, повелеваю тебе — прииди!», после чего «из его тела являются черви могильные» и пожирают жертву. Особо отмечается, что всякая ошибка в ходе ритуала приводит к тому, что, вместо жертвы, черви пожирают самого жреца.

10. О других фрагментах

Помимо «Сарацинских ритуалов», в предисловии, дополнениях и примечаниях, сделанных Принном, описываются демоны Европы и Ближнего Востока, с которыми Принн и его предшественники вплоть до Бонифация Монферратского имели сношения несколько веков. Особенно интересны, по свидетельствам тех, кому довелось читать эту книгу, главы, в которых отписываются связи между волшебными созданиями и статуями, отображающими их. Книга описывает многочисленные события, свидетелем которых был сам Принн или о которых он слышал от других, анализирует эти инциденты и подробно останавливается на фактах, обнаруженных им за три с половиной века странствий (он говорит обо всех описанных нами «Приннах» в первом лице и настаивает на том, что он и есть Бонифаций Монферратский). Среди прочего, подробно рассматриваются божества египетского пантеона, а также менее известные божества

арабов, и, в частности описываются многочисленные лики Ньярлатхотепа и упоминается, что «Чёрный фараон» Египта Нефер-Ка, был его воплощением. Несмотря на то, что египетские династии хорошо изучены, точно отождествить «Чёрного фараона» с историческими персонажами не удаётся, поскольку известно несколько фараонов с именами, включающими этот элемент: Се-Нефер-Ка, Нефер-Ка-Ра, Нефер-Ка-Сокар, Нефер-Ка-Ра-Небка, Нефер-Ка-Мин, Нефер-Ка-Хор и пр. Принн описывает Ньярлатхотепа как «древнего бога всего Египта» и выказывает этому Древнему своё особое почтение.

В других отрывках рассказывается о наведении чар и порчи, о «пнакотической пентаграмме и каббалистических защитных знаках», о «богах-прорицателях», среди которых называются Й'иг-Голонак, змеебородый Бьятис и тёмная богиня Й'такуа (Нун-Ханиш). В главе, посвящённой гаданиям, Принн упоминает некий кристалл под названием «звезда Сехмет». Также описывается обряд призвания невидимых «звёздных упырей» (по-видимому, бывших в числе тех, кто служил Принну в усыпальнице), начинающийся с обращения: «О Ты, Великий Неназываемый, знак Чёрных Звёзд и печать жабоподобного Цатоггуа», здесь же была приведена и цитата из Книги Пятидесяти, приписываемая этому божеству: «Первая заповедь ложных богов — “Да не будет у тебя богов иных, кроме Меня!”».

Описанное в одной из глав любовное зелье снабжено скабрёжным комментарием: «Одна лишь капля, добавленная в молочный напиток с вином или пивом, уподобит, воистину, вашу возлюбленную в сучку во время течки». Ещё в одном источнике сохранилась следующая цитата (вероятно, начало книги или одной из её глав): «Речено, как должным образом смешать аконит и белладонну и начертать на полу круги, полыхающие пламенем, когда звёзды встанут верно. Речено, что, расплавив сальные свечи и смешав с жиром мёртвых, нашёптывать при жертвоприношении животных, дабы свершилось задуманное. Речено о молитвах, обращённых в те края, о коих большинство человеков и не помышляет, — в хладные и недвижимые земли, — ради сношений с древним злом».

11. Об изданиях и переводах

Меньше чем через год после смерти автора книга была опубликована в Кёльне (1543, изд. Евхарий Цервикорнис). Когда церковь узнала о книге, папа римский, Пий V, запретил её в 1569 году, хотя в официальные издания Index Librorum Prohibitorum она, подобно другим текстам традиции Древних, так и не попала. Любопытно, что первый такой список был опубликован в 1529 году именно в Нидерландах, а первый римский список был составлен папой Павлом IV лишь спустя почти 30 лет. Тем не менее, 15 экземпляров книги успели разойтись, и этот вариант считают единственной надёжной версией этой рукописи. Позднее немецкий перевод с готическим шрифтом был сделан в Дюссельдорфе, хотя это издание имеет гораздо меньшую ценность, так как оно, как и последующие, было значительно скорректировано и урезано цензурой. Другой латинский вариант был издан с многочисленными гравюрами в Праге в 1809 году (скорее всего, эта книга и стала источником, из которого черпал информацию фон Юнтц). За столетия было сделано и несколько английских переводов рукописи Принна. Первое было издано в Лондоне в 1573 году, причём утверждают, что к публикации книги приложил руки знаменитый оккультист и авантюрист Эдвард Келли, которому на тот момент должно было быть всего около 18 лет. В XIX веке неизвестный священник издал тяжело читаемую английскую брошюру, содержащую одну из глав книги, дописанных Принном — «Сарацинские ритуалы», но из-за определённых упущений, намеренно сделанных издателем, она была практически бесполезной для мага. Чарльз Легgett перевёл на английский немецкую версию книги в 1821-м. Несколько копий были изданы очень ограниченным тиражом.

Около 1932 года голландский национал-социалист и ариософ ван Дульц, автор предисловия ко второму изданию «Сокровенных культов» Эмиля фон Юнтца, обнаружил в Стамбуле оригинальный рукописный манускрипт Людвиг, опередив тем самым других охотников за этой книгой: монахов Ордена Святого Иеронима и адептов Great Black Lodge. В течение следующих нескольких лет ван Дульц осознал его страшную силу и понял, что книга слишком опасна и что «даже такому великому человеку как

Адольф Гитлер» нельзя позволить овладеть ею. Это было началом разочарования ван Дульца в нацистском движении, которое он ранее поддерживал в силу своих ариософских представлений. Ни один человек, по мнению ван Дульца, не был настолько праведным, чтобы не быть поверженным в грязь: претензии нацистов на арийское наследие были просто бессмысленны перед лицом зла, подобного описанному Принном. В последние годы жизни ван Дульц потратил немало усилий, чтобы воспрепятствовать оккультным исследованиям Аненербе и Каротехии в этом направлении. Когда гестапо, наконец, пришло за ним, *De Vermis Mysteriis* была навсегда за пределами их досягаемости, в тайной библиотеке Хасслера, старинного друга ван Дульца. По всей видимости, позднее эта рукопись погибла во время бомбардировок.

К сожалению, к настоящему времени, по-видимому, не сохранилось (во всяком случае, в более-менее открытом доступе) ни одного полного экземпляра книги, восходящего к первому латинскому изданию. Британский музей якобы обладает полным немецким вариантом и половиной оригинала на латыни, хотя последний находится в чрезвычайно плохом состоянии. Утверждают также, что экземпляры *De Vermis Mysteriis* Людвиг Принна существовали в Хантингтонской библиотеке (Калифорния), архивах секты «Церковь Звёздной Мудрости» (Провиденс), в нескольких частных коллекциях (например, у некоего Ван дер Хейла) и в библиотеке Мискатоникского университета (как известно, несуществующего — во всяком случае, в нашей реальности, — что, опять же, сводит на нет достоверность всякого источника, в котором он упоминается). Так или иначе, почти за полтысячелетия существования книги лишь немногие избранные могли познакомиться с тайнами, сокрытыми в ней, и ныне они известны лишь малому кругу людей, не афиширующих этого по вполне понятным причинам.

12. О латинском тексте псевдо-«*De Vermis Mysteriis*»

Чтобы окончательно закрыть вопрос о сохранившихся до наших дней списках трактата Людвиг Принна, рассмотрим тот текст, который в наши дни выдаётся за латинское издание 1809 года, якобы оцифрованное в 1994 году, поскольку оригинал стал

быстро разрушаться и был передан в Боделианскую библиотеку Оксфорда (ознакомиться с этим текстом можно, например, здесь: <http://kkzf.narod.ru/dvm-lt.rar>). Прибрежём напоследок «самое вкусное» и начнём с кропотливого анализа основной части текста, начинающейся со слов «Nomine et deus s. Mal. G. N. F. Nunc y.b.h. Malificorum iavo пестро h.» и заканчивающейся словами «Oia t. Regis iaku cthulorum t. Sed q. P.ik. Novus». Текст стилизован под написанную в середине XVII века в Венеции «Книгу о Девяти вратах в Царство теней» («De Umbrarum Regni Novem Portis»). Автором и издателем последней выступил печатник по имени Аристид Торкья (1620-1667), которым вскоре заинтересовалась инквизиция. Его арестовали в Венеции, пытали в Риме, где и сожгли на Кампо деи Фьори в феврале 1667-го. Текст книги зашифрован весьма своеобразно. Например, надпись «NEM. PERV.T QUI N.N. LEG. CERT. RIT» расшифровывается как «Nemo pervenit qui non legitime certave rit» («Никто, сражающийся не по правилам, этого не достигает»). Очень интересный способ защиты текста от профанов, который реально можно было применять. Чтобы прочесть такой текст, надо было в совершенстве знать латынь — язык международного общения учёных в те времена.

Само собой разумеется, чтобы написать обстоятельный связный текст таким способом, как и любым другим, требуется неплохой словарный запас. Каков же лексикон той версии De Vermis Mysteriis, которая выдаётся нам за подлинник? Чтобы установить это, начнём заменять слова и сочетания букв, отделённые друг от друга пробелами (не точками, поскольку некоторые символы, разделённые точками — вроде, например, «G.r.ff.», — встречаются только вместе и, таким образом, представляют собой неделимую группу), числами: 001, 002, 003 и т. д. (начиная с длинных слов, чтобы неделимые группы не оказались выражены несколькими триплетами цифр). Легко убедиться, что около 70 таких замен нам вполне достаточно, чтобы, кроме чисел, остались только слова из единственной буквы с точкой («s.», «D.» и т. п.), некоторые наиболее распространённые союзы («et», «sed»), некоторые слова, по всей видимости, не включённые непосредственно в шифр и потому крайне малочисленные («Novus» — 9 слов на весь текст, «Ergo» — 25 слов и т. п.), и слова, которые либо написаны с ошибкой, либо представляют собой отдельный фрагмент более крупного слова (например, в одном случае есть

«baq.» — часть сочетания «R.v.baq.», в другом — лишённый корня суффикс «ogum», и т. п.), либо при написании которых использовалась графическая букваца.

Все заменённые на числа слова (кроме «ld.d.» — около 500 слов) распределены в тексте практически равномерно: их число — от 900 до 1200 слов на текст, — тогда как союз «et» встречается около 3000 раз, союз «sed» — около 2200, а распределение отдельно стоящих букв весьма различно (хотя большинство всё же лежит в диапазоне от 900 до 1200): a — 2180, b — 1133, c — 980, d — 2663, e — 988, f — 1085, g — 932, h — 2163, i — 2040, j — 0, k — 2084, l — 0, m — 1184, n — 1146, o — 1144, p — 1922, q — 2043, r — 1081, s — 4131, t — 1096, u — 0, v — 4, w — 0, x — 1084, y — 0, z — 0. Любопытно при этом, что частота этих букв непохожа на их частоту ни в английском языке, ни в латинском, причём даже на все эти замены нам понадобилось менее 100 чисел. Следовательно, «слова» манускрипта не могут быть словами как таковыми. Это или буквы (тогда каждая буква зашифрованного текст — если это вообще текст, а не полная бессмыслица — может обозначаться несколькими словами или группами символов), или буквы плюс некоторые сочетания букв (например, наиболее распространённые слоги). В результате (более-менее равномерное распределение слов-знаков говорит скорее в пользу первой версии) текст почти на сотню страниц урезается, в лучшем случае, до двух-трёх десятков.

Но и это ещё не всё. Выбрав в исходном тексте не слово, а относительно произвольную фразу (например, «Iavo azathothus nyarlathotepi m. Sthulorum e. P. Y.b.h.» или «Brim. F.hlv. Brim. Sacra s. Ex.infur. Iaah p. Iavo licit. Ia1 y.b.h. T. Y.b.h. V. In invocat»), мы обнаруживаем, что она повторяется в неизменном виде 4 раза. А приглядевшись повнимательнее — что вся книга представляет собой повторяющиеся несколько раз фрагменты, немного перетасованные для правдоподобия (причём достаточно механически: именно этим обусловлено наличие упомянутых выше «расчленённых» слов). «Зловещий манускрипт» ужимается до скромной газетной статейки на несколько страниц (более подробно на эту и другие темы говорится в книге: Brandon DeSavigny «De Vermis Mysteriis: Not Very Mysterious», 2006, http://www.book-of-thoth.com/portalsupport/coppermine/albums/userpics/De_Vermis_Mysteriis~0.pdf, — к сожалению, только на английском языке).

Не менее любопытным оказывается изучение приведённых в «отсканированном тексте из Мискатоникской библиотеки» гравюр. К сожалению, мы знакомы с изобразительным искусством слишком посредственно, чтобы опознать источник каждой из них, но, к счастью, в XXI веке существует замечательный сайт <http://www.tineye.com/>, способный помочь нам в этом нелёгком деле. Сохраним наш манускрипт как веб-страницу с фильтром и, обратившись к папке с вложенными файлами иллюстраций, проведём небольшое исследование. Конечно, далеко не все интересующие нас гравюры программе удастся опознать. Однако и то, что мы обнаруживаем, более чем любопытно.

Под зловещей фразой «Tibi magnum innominandum signa stellarum et caelum» («О Ты, Великий Неназываемый, знак Чёрных Звёзд и печать [жабоподобного Цатоггуа]») из подлинника работы Принна мы обнаруживаем гравюру, изображающую книгу и розу:

Не берёмся судить о происхождении этого рисунка, хотя он довольно часто встречается в Интернете, а здесь мы даже видим его цветную версию:

http://thirtytwopaws.com/mak/Main_Pages/Library.htm

Два Уробороса, образующих знак бесконечности, тоже нередки в цветном исполнении:

Гравюру

мы обнаруживаем
на обложке книги,
не имеющей к Древним
никакого отношения:

А эта гравюра —

принадлежит D. L. Hutchinson: <http://www.netherreal.de/gallery/hutch/art12.htm>.

— шестёрка мечей из Таро Лавкрафта:

Так можно продолжать до бесконечности. Но, наконец, перейдём к обещанному десерту. Помимо предисловия на английском, основного («зашифрованного») текста и обрезанной цитаты про Цатоггуа из оригинала *De Vermis Mysteriis*, в начале и конце книги мы обнаруживаем три фразы на самой настоящей латыни (насколько грамотной — вопрос не ко мне):

1. Omnia quae de vermibus cognoscere semper voluisti sed rogare metuisti.
2. Si hoc legere scis nimium eruditionis habes.
3. Ac dixit corvus, «numquam postea!»

К счастью, кроме поисковика по картинкам, сейчас существует и много других замечательных интернет-сервисов, среди которых один из самых полезных, без сомнения — онлайн-переводчик. Воспользовавшись его услугами, мы можем прочесть эти

таинственные письма в несколько вольном переводе на понятный нам язык. Они гласят:

1. Всё, что ты хотел знать о Червях, но боялся спросить.
2. Если ты прочитал всё это, ты шибко умный.
3. Каркнул ворон: «Никогда!»

Занавес.

Часть V. «Тайны Червя» в Новое время

1. Табль-де-Маршан

Как мы знаем, руководителем одной из немногих сохранившихся к концу XVII века сект почитателей Древних и обладателем фрагментов Аль-Азиф, переведённых Джоном Ди на английский язык, был Кевин Маршан, проживающий во французской провинции Бретань (неточности неоднократных переводов нередко делали из него британца по фамилии Мерчант или даже Морчент). Легендарика называет его графом де Маршаном, а его владения — поместьем, однако следует помнить, что он был из купеческого сословия (отсюда и фамилия со значением «торговец»), хотя и обладал родственными связями в дворянской среде. В 1676 году его кузен, Гийом Маршан, был возведён в звание пэра. Другой кузен, Томас, судья из Люксембурга, получил дворянство в 1681 году, и только в 1728-м (ещё при жизни Кевина) наследуемый титул барона (а вместе с ним — замок Ансембург) получил Томас Маршан Младший, сын люксембургского судьи. Наследуемый же графский титул семья де Маршан получила ещё позднее, в 1750-м, через Ламберта-Жозефа де Маршана, сына первого барона д'Ансембург. Сам же Кевин никогда не обладал дворянским титулом, хотя и владел обширными землями на территории нынешнего департамента Морбиан (округ Локмарьяк). Здесь, в своих владениях, он собрал богатейшую на тот момент коллекцию текстов наследия Древних и совершал своё поклонение Древним на доисторическом мегалитическом святилище.

Современное название этой постройки — Табль-де-Маршан, в честь семейства Маршан, не один век связанного с этой местностью. Дольмен и каирн были построены в период 3900-3800 гг. до н. э. (напомним, что именно этим периодом нами были датированы «времена завоевателей Думешаса», упомянутые в главах, посвящённых Книге Дагона). Это гробница с коридором, в конце которого находится погребальная камера. Монумент ориентирован в направлении север-юг, имеет длину около 12 метров, длина коридора — 7 метров, высота входа около 1,4 метра и высота многоугольной погребальной камеры около 2,5 метра. Используемый в течение многих веков, этот памятник включает две плиты с гравировкой. Плита, представляющая собой пол камеры, изначально находилась на открытом воздухе и являлась отдельным памятником. Плита украшена с обеих сторон; рисунок с одной из сторон изображает божество с пышной шевелюрой. Мегалитический ансамбль был построен в несколько этапов, начиная с первой стелы и далее вокруг неё. Вторая плита образует потолок камеры; её длина составляет 7 метров, ширина 4 метра и толщина 80 сантиметров, а масса оценивается в 65 тонн. На плите высечены украшения в виде креста, топора с ручкой, а на нижней стороне — быка. Эта плита — элемент блока, другая часть которого находится на кургане Гаврини, находящемся на расстоянии 5 километров, а ещё одна — в кургане Эр-Грах; мотивы орнамента в этих сооружениях полностью совпадают. Вход расположен на юго-востоке.

Лишь в 1811 году на месте святилища Кевина Маршана были произведены первые раскопки. Обнаруженные в первых слоях артефакты XVII века, имеющие прямое отношение к культуре Аляха, практически сразу были похищены, однако в 1883 году памятник, к тому времени представлявший собой плиту, покоившуюся на трёх столбах-опорах, был отреставрирован, а в 1889 год причислен к Историческим памятникам Франции. В 1937 г. его изучением занимался известный французский исследователь мегалитов Закари ле Рузик. Последние раскопки имели место в 1985 г, а последняя реставрация — в 1991 году. В настоящее время памятник находится в собственности государства.

2. Иннокентий XI, антифранцузский папа

В 1680 г. во владения Кевина Маршана с тайным поручением папы Иннокентия XI прибывает бретонский священник Бартелеми, настоятель бенедиктинского монастыря Ландевеннек. Суть задания (как становится ясно из мемуаров Бартелеми, написанных после окончательного разрыва с церковью, в которых он прямо заявляет о том, что не видит смысла в сохранении тайны и не боится мести святой инквизиции) заключалась в проведении тщательного расследования «богопротивной и опасной для общества деятельности» Кевина.

Отметим, что сам факт этого расследования не оставляет камня на камне от господствующей в настоящее время среди почитателей Древних версии, что аббат Бартелеми — Бартоломью, как его обычно называют — был не бретонцем, а британцем, англичанином. Дело в том, что, как известно, в 1534 году по инициативе короля Генриха VIII произошла Реформация церкви, в результате которой католическая церковь Англии отделилась от всемирной католической церкви и образовала новую Церковь Англии, во главе которой встал король. Во время правления сына Генриха VIII, Эдуарда VI, церковь Англии начала всё более подвергаться влиянию протестантизма. После смерти молодого короля к власти пришла его сестра, королева Мария I. Воспитанная на традициях католицизма, она вернула церковь Англии в лоно всемирной католической церкви в 1555 году, однако период воссоединения продлился недолго, так как следующая королева Англии, Елизавета I, разорвала связь церкви Англии и Рима в 1570 году. Католическая церковь сохранила своё присутствие в Англии и Уэльсе, но ушла в подполье вплоть до 1832 года, когда был опубликован «Акт о свободе католиков», который значительно ослабил или вовсе отменил многие ограничения, наложенные на католическую церковь в Англии. Так что в описываемый период Святому Престолу было явно не до того, чтобы отсылать своих эмиссаров в протестантскую Англию.

Зато очевиден интерес Иннокентия XI к событиям во Франции. Мало того, что страна эта была традиционно католической, так ещё и получивший после смерти кардинала Мазарини абсолютную власть Людовик XIV стремился уничтожить политиче-

скую зависимость французского духовенства от папы, намереваясь даже образовать независимый от Рима французский патриархат. Лишь благодаря влиянию знаменитого епископа Мосского Боссюэта французские епископы воздержались от разрыва с Римом. В вопросах веры иезуиты, духовники Людовика XIV, сделали его послушным орудием ярой католической реакции, что сказалось в немилосердном преследовании всех индивидуалистических движений в среде церкви.

Иннокентий же, избранный папой в 1676 году, несмотря на сильное сопротивление французского посла, начал свой понтификат с реформы церковных отношений в собственном государстве. Он положил конец практике nepотизма, то есть раздачи доходных должностей, высших церковных званий или земель близким родственникам ради укрепления своей власти, взял под контроль доходы куриальных сановников, уничтожил всякого рода синекуры. В области международной политики дело дошло до серьёзных разногласий между энергичным папой и ревниво охраняющим свою абсолютную власть Людовиком. Папа осуждал стремление французского духовенства к утверждению своей автономии и дисциплинарной независимости от Рима. В ответ на поддержку, оказанную Людовиком французскому духовенству, Иннокентий XI отказался утвердить назначенных королём епископов. Изучение богопротивной, демонопоклоннической деятельности на территории Франции могло бы стать существенным козырем в руках Иннокентия — особенно если бы удалось доказать, что она ведётся с ведома монарха или антипапски настроенных священнослужителей.

3. Восстание гербовой бумаги

Примечательно и то, что именно в Бретани Иннокентию было особенно просто найти поддержку со стороны католических священников. Новые налоги, постоянно вводимые Людовиком XIV и требовавшиеся для постоянных войн, вызывали всё его царствование многочисленные волнения по всей стране. Особо тяжёлой для большей части Франции была существовавшая со Средневековья габель — налог на соль. В Бретани, где налоговое бремя было меньше, ситуация носила несколько особый характер.

В силу Акта об объединении Франции и Бретани 1532 года Бретань пользовалась особым статусом в рамках Французского королевства, имевшим некоторые черты личной унии (собственно, объединение Франции и Бретани состоялось именно благодаря бракам Анны Бретонской с Карлом VIII и Людовиком XII, а затем Франциска I с дочерью Людовика и Анны). Ряд «древних вольностей» Бретонского герцогства был сохранён, и в дальнейшем учитывались особые интересы провинции. Новые налоги должны были подтверждаться Штатами Бретани, а судебный орган — парламент Бретани — неоднократно отказывался регистрировать распоряжения короля. Так, в Бретани благодаря компромиссу короля с местной знатью не была введена разорявшая страну габель. Однако Штаты и парламент Бретани пошли в 1673-1674 годах на утверждение эдиктов Людовика XIV о налогах на гербовую бумагу и табак, поскольку эти налоги лишь в небольшой степени затрагивали правящие сословия, ложась всей тяжестью на крестьянство и мелких буржуа и заставляя их опасаться введения ещё и габели. Восстанию также способствовала Голландская война, ведшаяся в 1670-е годы Людовиком; война требовала новых налогов и отвлекала от запада Франции правительственные силы, которые не могли скоро подавить выступления на другом конце страны.

Восстание началось вне Бретани, в сильнее страдавшем от налогового гнёта Бордо (26-30 марта 1675 году; из-за невозможности быстро взять ситуацию под контроль 6 апреля Людовик объявил городу амнистию), в дальнейшем продолжалось и в других пунктах Аквитании и Гаскони. Затем в начале апреля мятеж перекинулся на Бретань, где поднялись крупнейшие города Ренн и Нант, а затем Генган, Фужер, Динан и Морле. Повстанцы громили склады гербовой бумаги и кричали: «Да здравствует король без габели!». В некоторых городах восстание вспыхивало несколько раз: восстановленные гербовые конторы тут же вновь подвергались погрому. Когда король прислал в Нант небольшой военный отряд, его пришлось эвакуировать из-за нового неудовольствия бретонцев: по древним льготам Бретани все частные дома в провинции считались свободными от постоя солдат. Парламенты Бордо и Ренна отменили решения о регистрации королевских налоговых указов, а буржуазное ополчение городов не стало подавлять мятеж, а зачастую и само примыкало к нему.

9 июня восстание, до того бывшее исключительно городским, вспыхнуло в деревнях Западной Бретани и носило крестьянский характер: крестьяне осаждали как замки, так и города, а буржуа были вынуждены обороняться единым фронтом с аристократией. Толчком к выступлению крестьян стали слухи о введении габели. Города Карэ и Понтиви, не имевшие крепостей, были взяты и разграблены, дворян и крупных буржуа убивали или брали в заложники, все бумаги и архивы жгли, грамотные предводители крестьян писали собственные законы и требования («крестьянские кодексы»). Во многом эти тексты предвосхищают знаменитые «жалобные тетради» времён Великой революции. Среди требований восставших было представительство крестьян в Штатах Бретани, а также отмена барщины и оброка во имя «древних армориканских вольностей». После убийства одного из вождей крестьян, руководившего взятием Карэ и Понтиви Себастьяна ле Бальпа (который, по иронии судьбы, был королевским нотариусом), восстание постепенно стало сходить на нет.

В сентябре развернулись основные операции по подавлению восстания и наказанию его участников. Из Германии были переброшены войска, участвовавшие в прошлом году под предводительством погибшего в июле маршала Тюрэнна в разграблении Пфальца. Крестьянских зачинщиков вешали: в Комбри под Кемпером 14 человек повесили на одном дереве. С конца 1675 года внесудебные репрессии сменились судебными — законной казнью и ссылками на галеры. Многие разыскиваемые ушли в Париж или на Гернси. Для нашего же рассказа наиболее интересно то, что в ходе карательных операций солдаты разрушали церковные колокольни, чтобы колокол не использовался как набат (до сих пор многие колокольни в Бретани стоят без верхней части и колоколов). Это не могло не настроить бретонских священников против короля, что, конечно же, помогло обратить некоторых из них в союзников Иннокентия XI.

4. Аббат-отступник

Итак, выполняя задание папы, Бартелеми наносит визит Маршану. Могучий нечеловеческий интеллект Кевина без труда изобличает намерения аббата, но черно-

книжник не делает ни малейшей попытки утаить свою принадлежность к почитателям Древних и охотно делится с Бартелеми своими знаниями. Вскоре бенедиктинский настоятель уже не просто расследует «богопротивную деятельность», а с удовольствием участвует в жутких оккультных экспериментах, а впоследствии приобщается к древнему и зловещему культу Альяха Безразмерного, Бесформенного Хаоса и Запредельного Безумия.

В 1687 году, теперь уже как эмиссар Маршана, Бартелеми отправляется в Нортумберленд, где по его заданию находит в дремучих лесах, в окружённом непроходимыми болотами затерянном поселении, которого нет ни на одной карте, оригинальную рукопись Терция Цибелия. Как утверждает аббат в своих скудных заметках об этих событиях, пересечь гибельную топь можно было по тропам, известным только жителям поселения и никому больше. Невидимые стражи надёжно охраняли деревню: в цивилизованном мире это место считалось проклятым, ибо путников, заблудившихся в здешних лесах, часто находили мёртвыми на краю трясины, а иные, волей судьбы оказавшиеся здесь, исчезали бесследно. Аббат, уже посвящённый в традиции Альяха, смог не только добраться до деревни живым, но и вернуться оттуда с латинским текстом книги. Некоторые фрагменты найденного им текста (например, Чёрная Скрижаль) были написаны на неизвестных языках, и все эти места Бартелеми, вернувшись в Бретань, перевёл на латынь; как видно, ему был известен ключ. Он также снабдил книгу таблицами двух алфавитов, Старшего из 22 и Младшего из 17 знаков. Так одна из версий Аль-Азиф впервые встретилась в пределах одной библиотеки — библиотеки Кевина Маршана и возглавляемого им тайного общества — со зловещим текстом Терция Цибелия, что позволило аббату Бартелеми начать своё беспрецедентное исследование литературы о Древних.

Лишённый сана и преданный анафеме, после «Славной революции» 1688 года он вернулся в Нортумберленд, а затем, после изгнания оттуда якобитов, отправился в замок Линдисфарн на Святом острове, где в силу давних, оставшихся с эпохи викингов языческих традиций и новоприобретённой неприязни к католикам терпимо относились к еретикам. Туда же отбыла и значительная часть библиотеки Маршана, сам же Кевин в силу ухудшающегося здоровья отошёл от дел, передав бывшему аббату руково-

дство братством (в 1728 году престарелый чернокнижник перебрался к родственникам в Ансембург, где впоследствии и скончался). В Линдисфарне Бартелеми написал множество книг (снабжённых им собственноручными иллюстрациями неплохого качества), в том числе «О природе Червей», «Сочинение о богах старины, или Древних» и «Бестиолатрию», довольно подробно описывающую те же события, которые изложены в другом трактате из библиотеки Маршана — Каиновой летописи, — хотя материал для её написания был, скорее всего, взят из другого источника. Знакомый с частичным переводом Аль-Азиф, выполненным Джоном Ди незадолго до смерти по беглому латинскому списку Оле Ворма, Бартелеми нисколько не сомневался в существовании этой книги и справедливо утверждал, что имеющийся в библиотеке Маршана текст неполон. Он полагал также, что Некрономикон — не столько книга, сколько некая нематериальная субстанция или идея, лишь отчасти воплощённая в книге, и что полное раскрытие этой идеи едва ли станет достоянием смертных, не переступивших Бездны, разве только в самые страшные дни, когда гибель вплотную приблизится к людям и спасение будет невозможно.

По мнению аббата, изложенному в «Сочинении о богах старины...», примерно в XIX тысячелетии до н. э. Древние почти полностью уничтожили человеческий род (заметим в скобках, что по расчётам, выполненным нами на основании Книги Знаков и Книги Пятидесяти, календарь Древних начинается с 19015 года до н. э. — то есть с самого конца XX тысячелетия до н. э.), а большинство выживших от страха и непереносимых страданий потеряло рассудок и уподобилось животным. Тогда же большая часть суши покрылась льдом и стала очень неудобным местом для обитания людей, и лишь спустя несколько тысячелетий льды сошли, расчистив место человеческой цивилизации (по историческим данным, это произошло примерно в X тысячелетии до н. э., в начале голоцена).

5. Работы аббата Бартелеми

Страшные и зловещие пророчества изрекает аббат о веках грядущих:

«Словно капли яда на зубах гадюки весть о том, что будет вскоре. Когда воссияет звезда на своде небесном, которую прежде не видели, поднимутся сильные ветры, и будет большое волнение на море. И среди ночи узрят свет, но недолго ему светить, ибо за ним придёт мрак непроглядный, а луна станет, как смарагд, покрытый трупными пятнами. Древние манускрипты утверждают, что с луны на землю опустится множество тварей и будет пожирать плод во чреве матерей. Также поднимутся из вод древние храмы, погребённые на дне морском, и жёны, вошедшие в воду, понесут от обитателей пучин и будут рождать от них. Великие чародеи, погребённые в море, выйдут на берег, чтобы покорять и убивать смертных и глумиться над ними. Шринамму Акерен упоминает Великих Медуз от Южных Льдов [*по всей видимости, шогготов; Fr. N. O.*] и кровавое сияние в небесах. Возможно, всей земле предстоит покрыться высокими лесами и болотами, и чудовищные существа, вымершие давно, ужас минувших веков, воскреснув, будут бродить по ней. Людям предстоит исчезнуть с лица земли либо стать несмышлёными скотами».

«Бестиолатрия» упоминает, что древние лемурийцы могли перемещать камни по воздуху силой своих чар и таким образом строить дома и святилища. О лемурийской цивилизации повествует и его книга «О природе Червей» — подробное исследование заклинательства, написанное аббатом на поздней латыни, частично зашифрованное с помощью енохианских ключей и халдейской тайнописи. В этом сочинении Бартелеми, в частности, пишет: «Если бы кто посмотрел карту мира, бывшего прежде Нашествия, которое последовало за падением Древней Ассирии, он увидел бы знакомые, но всё же несколько другие очертания», — однако, как можно заметить, здесь он вольно или невольно увеличивает возраст Ассирийского царства, и некритично или тенденциозно настроенные поздние исследователи вроде фон Юнтца или издательской группы A.M.C.Vendetta регулярно повторяют эту датировку.

В «Природе Червей» излагается своеобразная мифоистория аббата Бартелеми и упоминается целых два объекта, подобных Р'льеху, но с другими именами: «В самых таинственных, но верных с точки зрения Заклинателя источниках сказано, что Великий Ктулху прибыл со звёзд ещё во времена правления императора Амурри и построил на островах северного моря чудовищной силой своей магии два города из полупрозрачных камней — Ксатленри и Молотонема, тем самым ослабив власть Гоззара над морской пучиной волей каинитов. Во время великой битвы они погрузились на морское дно, когда чёрные корабли приблизились к ним — надо полагать, причиной тому стало желание Ктулху завладеть землёй прежде исполнения воли Зверя, но всё же изредка города поднимаются на поверхность волей сильнейших колдунов — не вполне человеческого происхождения, либо обладающих Проклятой Книгой». Сохранившиеся фрагменты этих работ приведены, например, в «Сокровенных культах» фон Юнтца, сколь же нибудь более полные тексты на данный момент не обнаружены.

Поиск рациональных зёрен в сочинениях аббата Бартелеми и восходящих к его работам трудах — отдельный и нелёгкий труд, который на данном этапе не входит в нашу задачу. Скорее всего, к этим трактатам следует относиться как к мифологическим, аллегорическим текстам, хотя, как показали некоторые отмеченные выше примеры, там могут быть зашифрованы и подлинные события человеческой истории. В любом случае, методы исторической науки конца XVII — начала XVIII в. были ещё столь несовершенны, представления о хронологии — столь наивны и подвержены влиянию религии, а количество относящихся к теме Древних артефактов столь мало, что принимать на веру изложенное в мифоисторических работах Бартелеми не представляется возможным.

6. «Сокровенные культы»

Мы долго не решались включать в это издание «Сокровенные культы» Эмиля фон Юнтца. С одной стороны, согласно классификации источников, принятых в культе Ктулху Зохаваит Фсех (см. журнал «Апокриф», вып. 17), эта книга относится не к кате-

гории А₁ (Священные писания — наиболее авторитетные религиозные и культовые сочинения, имеющие отношение к Древним), а к категории В₁ (добросовестные и обстоятельные исследования о Древних, Культе, Писаниях, а также о взаимоотношениях культа Древних с другими культурами, независимо от разделяемой автором позиции), тогда как система Завета Мёртвых включает, прежде всего, именно лавкрафтианские Священные писания. С другой — этнографический материал, собранный фон Юнтцем, поистине уникален, хотя иногда можно заметить, что он подгоняет факты под сложившиеся у него представления об истории взаимоотношений человека и Древних, в плане же не критичности к изошрённым мифоисторическим построениям он — истинный сын своего времени — времени повального увлечения теософией, ариософией, пангерманизмом и легендами об оккультных обществах. Связь фон Юнтца с The Great Black Lodge ещё больше ставит под сомнение академическую ценность его исследований, заставляя предполагать, что они имеют не столько научное, сколько оккультно-религиозное значение со свойственным подобному рода трактатам символизмом. В итоге мы пришли к выводу, что «Сокровенные культы» всё же достаточно интересны, чтобы быть включёнными в издание, посвящённое «системе Альяха» (Книге Дагона и Тайнам Червя), с которой они находятся в самой тесной связи, однако — лишь на правах приложения, служащего информацией к размышлению, но требующего самого критического отношения к приведённым в ней событиям и трактовкам. Также мы публикуем некоторые черновые наброски фон Юнтца, ранее выходившие под заголовком «Древняя мифология Хаоса» (кроме раздела «Ктулху», в издании 1930-х годов включённого на основании дневниковых записей фон Юнтца в основной текст, и раздела «Мифы в Библии», представляющего собой некоторые выписки, сделанные фон Юнтцем из Откровения Иоанна Богослова с комментариями Абдуллы аль-Хазраджи).

Следующая проблема, напрямую вытекающая из первой, такова. Если Священные писания считаются, согласно доктрине Армии Р'льеха, не просто вдохновлёнными Древними, но практически переданными ими непосредственно под диктовку открывших для их слов разумы жрецов, то «Сокровенные культы» имеют автором обычного человека, пусть и искренне увлечённого изучающейся им проблемой, поэтому вычищать из текста анахронизмы и исторические неточности, обнаруженные нами — зна-

чит нарушить авторский замысел и исказить авторскую позицию. Кроме того, он рассматривает верования различных народов, предположительно имеющие связь с культурами Древних, поэтому мы не можем и заменять все имена и названия на принятые в системе Завета Мёртвых, чтобы сохранить этнографическую точность. С другой стороны, многие отличия общепринятого русского текста «Сокровенных культов» от принятых в Завете Мёртвых написаний — результат перевода самой работы или отличий той версии источников, на которые опирался фон Юнтц, от той, с которой имели дело мы. В итоге мы решили вносить исправления только в тех случаях, когда они не искажают авторской позиции, но при этом показывают единство этого текста с другими материалами наследия Древних. В тех случаях, когда такие исправления были невозможны, но приведённые фон Юнтцем факты и трактовки сильно отличались от системы КЗФ, мы снабжали текст своими комментариями. Даты доисторических событий преимущественно сохранялись в том виде, в котором они приведены у фон Юнтца, но всегда следует помнить, что, как правило, их следует делить на 10. Даты исторических событий исправлялись только тогда, когда в них были замечены очевидные неточности (например, Аттила подошёл к Риму не в 451, а в 452 году).

Текст «Сокровенных культов», имеющийся в нашем распоряжении, насчитывает несколько десятков страниц. Есть указания на то, что одно из изданий насчитывало около 200 страниц, а авторский черновик — около 300. Следует отметить также, что имеющиеся указания на существование изданий «Сокровенных культов» 1817 (Лейпциг, изд-во Ганса Грензельна, 178 стр. с иллюстрациями) и, тем более, 1452 года (Йельский университет) ошибочны или ложны: в это время фон Юнтц, разумеется, ещё даже не родился.

7. Биография Эмиля фон Юнтца

Приведённая ниже биография основывается на предисловии к первому изданию «Сокровенных культов» (1919 г.) с включением известных нам из других источников фактов, отсутствующих в нём, сам же текст книги предваряется предисловием ко вто-

рому изданию (ван Дульц, 1930-е гг.). Редакции этого же года мы старались придерживаться в сомнительных случаях при вычитке существующего русского перевода.

Эмиль фон Юнтц родился в 1849 году в поместье своего отца, австрийского барона и дипломата Лотара фон Юнтца. Его полное имя, по давней немецкой традиции, было огромным: Эмиль Лотар Фридрих-Вильгельм Германн Герберт Альфонс Карл Юрген фон Юнтц (в честь целой череды предков по мужской линии), причём некоторые из них он позднее использовал как псевдонимы. Он получил прекрасное домашнее образование, как и полагается знатному человеку, но поскольку мать его умерла, когда ему было всего лишь три года, а дела отца вынуждали его отсутствовать дома большую часть времени, с самого раннего детства Эмиль в основном был предоставлен самому себе. Простудировав сочинения Парацельса, Василия Валентина и прочих авторов — мистиков, алхимиков, оккультистов, — во множестве представленных в богатейшем семейном книжном собрании, он не мог не заинтересоваться таинственными и неизвестными силами, якобы влияющими на судьбу Вселенной.

В возрасте двадцати лет он, блестяще сдав экзамены, поступает в Берлинский университет, на факультет философии, и, закончив его с отличием и защитив дипломную работу по теме «Шумерские начала в Каббале», принимает предложение возглавить кафедру. По другим данным, он имел также дипломы Тюбингенского университета и Сорбонны. Он в числе первых всерьёз занялся религиозными и мистическими традициями древности, что побудило его создать акционерное общество, устав которого был полностью согласован с уставом университета, а капиталы были не слишком высокими, с целью организации широкомасштабных научных исследований в египетской Долине Царей. Примечательно, что среди держателей акций был австрийский рунолог и основатель арманизма Гвидо фон Лист, ровесник фон Юнтца, с которым Эмиль познакомился в 15 лет в Вене на почве общего интереса к катакомбам под Собором Святого Стефана (впрочем, по стечению обстоятельств это знакомство не было ни близким, ни продолжительным).

Экспедиция состоялась в 1878 году. Немногочисленные раскопки и беседы с местным населением позволили собрать материал, который лёг в основу доклада, сделан-

ного фон Юнтцем в 1879 году в Берлинском географическом обществе и навсегда похоронившего его репутацию в официальных научных кругах.

Вот основные тезисы доклада:

1. Минимальный возраст пирамид и многих других сооружений исчисляется, по меньшей мере, десятками тысяч лет, причём изначально они не использовались как гробницы — эта роль была им отведена египтянами в периоды Древнего и Среднего царства по невежеству.
2. Уровень развития древнеегипетской цивилизации просто не позволял воздвигнуть столь величественные строения, следовательно, остаётся признать, что это — дело рук цивилизации более старой и могущественной.
3. Существуют веские основания предполагать, что человек отнюдь не являлся единственным разумным обитателем земли на протяжении всей её истории; более того, не является он таковым и сегодня.

Как и следовало предполагать, доклад вызвал уничтожающую (и, по правде говоря, во много заслуженную) волну критики, обскурантизма, иронии, а то и просто ругани. Научная карьера фон Юнтца закончилась, но его путь к познанию только начинался.

В 1880 году он познакомился с Куртом Свенссоном, основателем The Great Black Lodge — сильной и богатой организации, поощряющей любые исследования, направленные на поиски следов древней мудрости (настоящее имя Курта Свенссона — Ричард Кавендиш; однако, вопреки расхожему мнению, этот Кавендиш — вовсе не тот известный современный оккультный писатель, а его полный тёзка, по странному стечению обстоятельств, разделяющий его интересы; быть может, Свенссон был его прежней инкарнацией?..). Неизвестно, был ли Эмиль посвящён в доктрину Чёрного Пути, но многие из его высказываний и поступков выдают в нём, по крайней мере, ученика. Свенссон, во всяком случае, указал ему правильную точку приложения сил. Он утверждал, что наиболее выдающиеся открытия могут быть сделаны в малоизученных рай-

онах земного шара, из которых особо выделил четыре: Индонезия, Маршалловы острова, отдельные районы острова Мадагаскар и Центральную Америку (Юкатан).

15 сентября 1881 года фон Юнтц отплыл из Сайгона на небольшом катере с командой из четырёх человек, направляясь к архипелагу Сулу. Так начались его долгие странствия. Он посетил все места, указанные ему Свенссоном, и многие другие. В течение следующих пятнадцати лет он ни разу не был в Европе и возвратился только весной 1896 года. «Сокровенные культы» были написаны в Дюссельдорфе за четыре месяца. Едва закончив рукопись, учёный стал готовиться к экспедиции в Дагомею, вознамерившись доказать потрясающую гипотезу о колонизации этих мест беженцами из разорённой варварами Западной Римской империи в V веке н.э. Более того, он настаивал на том, что потомки римлян до сих пор живут в Центральной Америке, воздерживаясь от излишних контактов с внешним миром: подобно описанному в «Культях» легендарному народу Тнабс, они пересекли Атлантический океан, покинув ту самую колонию в Дагомею, следы которой фон Юнтц во что бы то ни стало хотел обнаружить.

Эта экспедиция стала для него последней: он исчез в джунглях Нигерии в 1897 году, через год после смерти Свенссона. Тщательное расследование, проведённое новым понтификом The Great Black Lodge — Иоганном Келленхеймом, — позволило установить, что последними, кто видел его, были чернокожие носильщики и единственный уцелевший в данном предприятии европеец: как видно, последний тяжело заболел и не смог продолжать путь, а первые попросту дезертировали, ибо места, в которые направлялась экспедиция, считались проклятыми. Рукописи и дневники фон Юнтца стали достоянием The Great Black Lodge в 1919 году и были впервые напечатаны (по-видимому, не полностью) анонимным издателем от имени «Общества Иллюминатов». Позднее, в 1930-е годы, их перевыпустило одно из голландских обществ ариософской направленности, членом которого был уже упоминавшийся прежде ван Дульц, внося в текст «Сокровенных культов» некоторые исправления, которые, судя по дневниковым заметкам, фон Юнтц хотел включить в более позднюю редакцию своей монографии, но так и не успел.

8. О других работах фон Юнтца

Кроме «Сокровенных культов» и «Древней мифологии Хаоса», фон Юнтц является автором ещё нескольких текстов, которые, насколько нам известно, не выходили в печатном виде. Книга «О тёмном смехе» была то ли религиозного, то ли философского содержания, и по обширным цитатам в других источниках нам известно, что в ней шла речь о неких находках фон Юнтца на раскопках бывшего храма Иррха в северной части центральной Армении, в том числе о нескольких жертвенных клинках, имеющих отношение к культу протоурартского божества Йе-Хеха, охарактеризованного фон Юнтцем как «бог тёмного, или издевательского, смеха». Эта работа вдохновила оксфордского профессора Сент-Денниса Т. Р. Гладфеллоу, крупного специалиста в области изучения верований древних, большей частью неизвестных народов, условно называемых ныне протоурартскими, на тщательный анализ различных протоурартских артефактов из обсидиана и бронзы.

Согласно этой работе, земли, лежащие в окрестностях нынешней северной Армении, породили (вместе с целой уникальной космологией) два враждебных друг другу культа, уцелевшие и до наших дней; последователи одного из них поклонялись Йе-Хеху, богу «темного смеха», а приверженцы другого — Аи, богу беспредельной и вездесущей печали. Те, кто исповедовал культ Йе-Хеха, считали Вселенную космическим трюком, розыгрышем верховного божества Иррха, придуманным им ради неведомых целей, юдолью, полной горя и жестокой иронии, единственный возможный отклик на которую — злобный смех вроде того, каким, по их убеждению, смеялся сам Иррх. Чтобы выразить свое отношение к черной комедии жизни, смерти и всех человеческих потуг, поклонники бабуиноголового Йе-Хеха создали священный бурлеск, упоминаемый Павсанием и одним из путников в диалоге Плутарха «О крушении оракулов». Ритуал начинался со свежавания человеческой головы, снятой с плеч воина, погибшего в сражении, или иного деятеля, пожертвовавшего собой из каких-либо благородных побуждений. Затем клоун-священник надевал на себя эту бескровную маску и танцевал, изображая собой карикатуру на павшего героя. Поскольку поклонники Йе-Хеха в течение

долгих веков заключали браки только внутри своей секты, они, по словам фон Юнтца, фактически превратились в своеобразную расу, характеризующуюся противоестественно широкой ухмылкой и белой, как мел, кожей. Фон Юнтц утверждал даже, что обычай гримировать цирковых клоунов возник после того, как непосвященные принялись неуклюже подражать этим древним мутантам.

Непримиримыми соперниками слуг Бабуина были почитатели Аи, Вечно Скорбящего бога. Этим мрачным фанатикам мир представлялся таким же страшным и жестоким, как и их заклятым врагам, но их реакцией на вселенскую несправедливость был более или менее постоянный траур. За тысячелетия, минувшие с поры расцвета древнего Урарту, представители этой секты разработали сложную физическую дисциплину, нечто вроде джиу-джитсу или художественной гимнастики убийства, и практиковали ее в основном во время безжалостной охоты на поклонников Йе-Хеха. Они верили, что Иррх, он же Ушедший, этот молчаливый завещатель, который целую вечность тому назад выбросил космос через плечо, словно обертку от съеденной селедки, и отправился восвояси, не оставив и намека на свои дальнейшие планы, может вернуться и открыть смысл своего необъяснимого и трагического творения лишь после того, как все племя обожателей Йе-Хеха вкупе со всеми экземплярами их священной книги «Хндзут Дзул», («Непостижимый обман») будет стерто с лица земли. Только тогда Иррх возвратится после своего вековечного отсутствия, и какой новый ужас или искупление, по словам фон Юнтца, принесет он с собой, не дано знать ни единой живой душе.

Сохранился также небольшой фрагмент второй главы «О тёмном смехе»:

«Хотя евангелие цинизма и насмешки, проповедуемое поклонниками Йе-Хеха, нашло широкое распространение во всех странах, сам культ практически исчез, отчасти по причине вражеских нападений, отчасти из-за хронических болезней, порожденных биологической замкнутостью. По некоторым данным, сегодня во всем мире осталось не более 150 его представителей. Почти все они зарабатывают себе на жизнь работой в передвижных цирках. Хотя прочие цирковые деятели осведомлены об их существовании, они не торопятся раскрыть эту тайну рядовой публике. А сами несчастные ведут себя тихо, ежеминутно находясь в ожидании поступи за ближайшим углом, тени на пологие

шатра и безжалостного ножа, который, пародируя их собственный давно забытый ритуал жестокой пародии, отделит от черепа их мертвенно-бледные лица».

От работы «Пнакотические песнопения и измененные состояния сознания. Тексты Р'льеха» нам осталось только название. Упоминание «Текстов Р'льеха» даёт основание считать, что там рассматривалась та часть Аль-Азиф, которая позднее стала известна под этим названием, хотя это только наши домыслы. Гораздо больше фрагментов сохранилось из дневниковых записей фон Юнтца, многие из которых, по всей видимости, планировалось включить в дальнейшие издания «Сокровенных культов». В одном из фрагментов рассказывается о короле, правившем некой «Темной Империей» (выходцами из неё фон Юнтц считал пиктов), ставшей преемницей державы еще более древней и таинственной, уходящей корнями в каменный век, и об огромной пещере, где высится Темный Человек — изваяние Брана МакМорна. К этому изваянию, с потрясающим правдоподобием высеченному из камня рукой неизвестного мастера будто бы еще при жизни великого короля, каждый из почитателей Брана хотя бы раз в жизни совершал паломничество. Культ этот якобы и сегодня жив среди потомков народа Брана. «Они, — пишет фон Юнтц, — словно тайный подземный поток, текущий в великий океан жизни в ожидании дня, когда статуя Брана внезапно задышит и оживет, явится миру из гигантской пещеры и возродит свою забытую империю».

В посвящённом Цатоггуа фрагменте, озаглавленном «Культ Жабы», Эмиль фон Юнтц пишет: «Храм его расположен в джунглях Гондураса, недалеко от скал. В самом храме находится мумия высшего жреца с амулетом жабы на шее. На медной цепи к ней прикреплен камень багрового цвета, по форме напоминающий жабу. Амулет этот служит ключом для спуска под храм, где, по преданию, лежит главная ценность храма. Народ, который проводил этот культ, вымер». В обнаруженном в 1909 году фрагменте дневника пишется, что в Северной Вестфалии фон Юнтц нашёл будто бы «целую деревню оборотней». Вскоре деревня подверглась нападению местных жителей, и все оборотни были перебиты. Представить живого оборотня фон Юнтцу не удалось, и его сочли шарлатаном, хотя, по всей видимости, он искренне полагал, что собрал неоспоримые доказательства существования людей-волков. В другом фрагменте (обнаружен в

1923 году) фон Юнтц описывает своё путешествие в Россию (Суздаль) и секту скопцов, которую рассматривает как культ, почитающий Шуб-Ниггурат.

Наконец, можно привести ещё три фрагмента из дневников фон Юнтца:

*

«Откуда берет начало ваша вера?» — спросил я дряхлого старика. Он взглянул на меня своими глубоко запавшими и окруженными морщинами глазами-бусинками и ответил: «Второе Солнце сначала явилось М'ялу, сыну Т'кала. Он был всего лишь скромный крестьянин из Кията, в долине Му. М'ял мечтал отомстить местному правителю, жестоко обращавшимся с крестьянами, и после многих лет изучения знания он нашел способ путешествовать к Трону Второго Солнца, далеко-далеко на небесах. Там он учился и постигал знания того, кого греки называли Аполлон Пифийский». «Вы знаете греческие легенды?» — спросил я, удивленный. «Ты думаешь, я просто глупый индеец, потому что ты — белый человек, — ответил старик, сделав паузу, чтобы выплюнуть комок табака. Я был вынужден отступить, чтобы он не попал на мои ботинки, — Но я знаю вещи, которые вы постарались забыть. Вещи, которые вы прикрыли вашей солнечной яркой ложью о том, что вы — властители мира. Даже когда вы терзаете друг друга в войнах, вы все еще держите глаза закрытыми для истины. Вы не имеете значения. Никто из нас не имеет. Только звезды и те, кто служит звездам, разделяют их власть и мудрость. Они дремлют сейчас, но скоро они пробудятся и обретут силу. И мы будем танцевать при свете Второго Солнца, и устроим пир на руинах вашей так называемой цивилизации».

Мне показалось оскорбительным его предположение, но я еще многое хотел узнать от него, так что я задушил свою гордость и позволил ему молоть всякий вздор, порожденный его безумным воображением. Я не стал отвлекать его вопросом: почему он так уверен, что звезды позаботятся о нем лучше, чем обо мне. Скоро должно было прийти время для обряда, свидетелем которого я хотел стать».

*

«Пока я наблюдал, две дюжины мужчин и женщин разделись догола и принялись намазывать себя краской, остальные занялись установкой девяти монолитов, по одному

на каждую планету, образовавших после установки большую V-образную фигуру. На каждом из монолитов охрой и вайдой собравшиеся начертили знаки планет и руны звезд, под которыми вызываются планеты. Монолиты представляли собой пятиугольные цилиндры с верхушкой в виде пентаграммы. В каждую пентаграмму был вписан символ их господина. Их лидер — верховный жрец, носивший из одежды только черный капюшон, — шагнул к алтарю, символизирующему Землю, держа в руках жертвенный нож. На алтаре стояла чаша, наполовину наполненная водой. Воздев нож над алтарем, жрец монотонно запел, называя чашу Великим озером Кхали, где обитает Тот, о котором лучше не упоминать. Верующие вокруг него монотонно вторили ему или предавались соитию друг с другом. Пятеро, символизирующие элементы, издали свист, и с небес спустились ангелы, их черные крылья покрывал холод космического пространства. То были ангелы Девяти миров. Они заняли свои священные места на предназначенных им монолитах.

Элементы склонились и подняли жертву. Мужчина брыкался и взывал о помощи. Его крик пронзил мое сердце, если бы я не боялся возмездия, то, не раздумывая, бросился бы ему на помощь. Удивительно, как те, кто отвергают слабости человеческой расы, иногда могут быть подвержены им. Я смотрел, как люди падали на землю по большому кругу, и рассмеялся, видя, как они плачут. Несмотря на все происходящее, мне стало жалко их. Ангелы присоединились к плачу, глядя в небо, на их родной мир Альдебаран, взошедший над горизонтом. Жрец разрезал запястье жертвы, и его кровь потекла в озеро Кхали, чтобы Господин и Пленник Каркозы смог выпить лекарство жизни и пересечь холодную пустоту, защищавшую нас от него. Я не могу описать его появление. У меня нет слов. Но уверяю вас, Того, о котором лучше не упоминать, можно увидеть, если принять предусмотрительно подготовленный препарат великого ученого Ибн Газула».

*

«И по сей день от Дуная до Рейна говорят: “Опасно слишком много болтать об иллюминатах”».

Вместо заключения:

Пророки Древних — вестники перемен

Пристально изучая биографии жрецов Древних, оставивших нам свои писания после падения Ассирийского царства, этой колыбели их тайного учения, невольно обращаешь внимание на одну любопытную закономерность. В «Мифоистории Некрономикона» (см. журнал «Апокриф», вып. 16) мы отмечали, что рождение Абдуллы аль-Хазраджи пришлось на переломный период исламизации Персии; что его встреча с Муавией, возможно, повлияла на укрепление позиции Омейядов в Халифате; что последующий спустя много лет иконоборческий эдикт Язида II привёл к проклятию Абдуллой Омейядов и их скорому падению. Жизнь и творчество Терция Цибелия пришлись на период смены эпох с языческой на митраистско-христианскую; жизнь и творчество Людвиг Принна — на время проникновения протестантизма в Нидерланды. Деятельность Кевина Маршана и аббата Бартелеми происходит во Франции времён усиления религиозного сепаратизма и борьбы королевского абсолютизма с папской властью и в Англии времён притязаний на трон католических и протестантских монархов. Эмиль фон Юнтц, не являвшийся, по всей видимости, жрецом и написавший исследование, а не Священное писание, немного выпадает из этого ряда, но и его жизнь приходится на время укрепления в Австро-Венгрии пангерманистских и ариософских взглядов и повсеместного усиления интереса образованных слоёв общества к оккультным наукам (именно в это время возникли такие организации как Теософское общество и Герметический орден Золотой Зари, определившие дальнейшие пути западной магической традиции).

Показательна и биография самого известного пророка Древних — Говарда Филлипса Лавкрафта. Излишне упоминать, чем в истории в целом и в истории отношений религии и общества в частности был знаменит 1917 год, — а между тем, именно в этом году Лавкрафт написал свой первый рассказ, посвящённый Древним («Дагон»). Последующие годы его жизни, вплоть до года смерти (1937), буквально написканы социальными потрясениями. Наконец, мы уже сравнивали эпоху Константина с 1980-2000-ми

годами в России, — и именно этот период характеризуется всплеском интереса к наследию Древних, изданием переводов сохранившихся фрагментов Аль-Азиф и других Писаний, возникновением больших и малых групп, изучающих лавкрафтианскую магию и мифологию.

На сказанное могут возразить, что значимые исторические события происходят с завидной регулярностью, и, следовательно, когда бы ни жил интересующий нас персонаж, мы всегда сможем найти в этот период что-нибудь интересное. Однако представляется вполне очевидным, что те события, которые упомянуты нами — это не просто какие-то значимые события, происходящие в то время и в том месте, когда пишется та или иная книга наследия Древних. Между ними есть и одна очевидная общая черта: все они так или иначе связаны с борьбой за либерализацию религиозной жизни. При Константине, впервые в истории, в Римской империи была (пусть и ненадолго) узаконена свобода вероисповеданий. Муавия, которого благословил аль-Хазраджи, как известно, воспринимал ислам не слишком догматично и был вполне веротерпим: достаточно вспомнить его манёвр с насаженными на копьё свитками Корана и его посредническую роль в диспутах между представителями различных христианских конфессий. Эдикт Язида, совпавший по времени и с иконоборчеством в христианском мире и вызвавший гнев пророка Древних, ограничивал в отправлении религиозных и оккультных обрядов тех, кто использовал в своей практике образы богов и иных существ. Ослабление Католической церкви в Нидерландах и Англии при Людвиге Принне и аббате Бартеlemi также создавало больше возможностей для еретических движений и неортодоксальной мистической практики. Рост интереса к оккультным наукам в конце XIX века, деклерикализация общества после 1917 года, падение господствующей материалистической идеологии в СССР, — нетрудно заметить, что все эти события прямо облегчали деятельность тайных обществ, практикующих магию Древних. А такие факты как встреча Абдуллы аль-Хазраджи с Муавией и сношения Принна с высокопоставленными тевтонскими рыцарями накануне секуляризации ордена дают нам основания полагать, что жрецы Древних не просто активизировались в те времена, когда для этого появлялось больше возможностей, но и самолично боролись за наступление этих времён. И одним из орудий в этой борьбе всякий раз становились новые откровения Древних.

Краткая хронология

священных книг Альяха

- *19015 до н. э.* — начало отсчёта календаря Древних.
- *3900-3800 до н. э.* — возведение кельтского святилища Древних Табль-де-Маршан.
- *Ок. XXI в. до н. э. (не позднее нескольких лет до 2058 или 1994)* — образование Ассирийского царства, правители которого, начиная с Ушпии, объявлены Чёрными Солнцами — покровителями (а обычно и первосвященниками) культа Древних.
- *Между XVI (скорее — XV) в. и 1330 до н. э.* — написание второй главы Книги Дагона.
- *1365-1330 до н. э.* — написание третьей главы.
- *XIV-IX в. до н. э.* — написание 4-7 глав.
- *883-859 до н. э.* — написание восьмой главы.
- *IX-VII в. до н. э.* — написание 9-11 глав.
- *681-633/627 до н. э.* — написание двенадцатой главы.
- *669-633/627 до н. э.* — написание первой и тринадцатой главы, составление канона Книги Дагона, сбор Ашшурбанипалом материалов шумеро-аккадской традиции в Ниневийской библиотеке.
- *612 до н. э.* — Ниневия разрушена объединённым войском вавилонян и мидян, библиотека частично сожжена, частично разграблена, частично осталась под руинами. Титул Чёрного Солнца официально перестаёт присуждаться.
- *280* — рождение Терция Цибелия.
- *298-323* — вступление Терция в III Галльский легион, его служба в Междуречье и Египте, начало сбора им древних рукописей и артефактов.
- *313* — Миланский эдикт Константина I, узаконивший свободу вероисповеданий в Римской империи.

- *323-331* — посвящение Цибелия в традицию Древних, написание им Тайн Червя.
- *Между 331/332 и 26 июня 363* — написание по приказанию Юлиана II Отступника документов, в которых приводятся некоторые подробности деятельности культа Древних в Римской империи.
- *363-395* — негласный запрет Тайн Червя римскими императорами, уничтожение большинства их копий.
- *652-658* — Абдулла аль-Хазраджи переводит на арабский язык ряд шумеро-аккадских текстов, позднее включённых им в Аль-Азиф и в число приложений к нему.
- *722-732* — написание Аль-Азиф, куда, помимо прочего, вошли фрагменты Тайн Червя, в том числе отсутствующие в оригинале Терция Цибелия.
- *1150* — рождение Бонифация I Монферратского, основателя линии преемственности, ведущей к Людвигу Принну.
- *1204 — 4 сентября 1207* — Бонифаций Монферратский изучает традицию Аляха.
- *Между сентябрём 1438 и сентябрём 1439 года* — рождение Людвига Принна.
- *Вероятно, между 1451 и 1470/80-ми* — Людвиг Принн «убивает свою мать» и поселяется в усыпальнице доримской эпохи в лесу недалеко от Брюсселя.
- *1542* — написание Принном расширенной редакции Тайн Червя и его казнь.
- *1543* — первое издание книги Принна на латыни (Кёльн, изд. Евхарий Цервикорнис).
- *1569* — неофициальный запрет книги Принна Пием V.
- *1573* — издание английского перевода книги Принна в Лондоне (по сомнительным данным — Эдвардом Келли).
- *Между 1556 и 1585* — рукопись Книги Дагона обнаружена в Палестине Иеремией ван Меером и переведена на латынь.
- *Конец XVII века* — одну из групп культа Аляха возглавляет Кевин Маршан.
- *1675/76* — аббат Бартелеми тайно поступает на службу папы римского.
- *1680* — Бартелеми прибывает во владения Кевина Маршана.

- *1687* — Бартелеми отправляется в Нортумберленд и обнаруживает оригинальную рукопись Терция Цибелия. Лишение Бартелеми сана.
- *После 1688* — новая поездка Бартелеми в Нортумберленд, переселение на Линдисфарн. Здесь он приобретает подлинник и латинский перевод Книги Дагона и пишет свои основные труды, в т. ч. «О природе Червей», «Сочинение о богах старины, или Древних» и «Бестиолатрию».
- *Между 1688 и 1728* — Кевин Маршан передаёт дела аббату Бартелеми и отбывает в Ансембург.
- *Между XVI и XVIII в.* — немецкий перевод Тайн Червя Людвиг Принна и его издание в Дюссельдорфе.
- *Начало XIX в.* — неизвестный священник издаёт на английском языке книгу, содержащую неполную версию «Сарацинских ритуалов».
- *1809* — издание латинского текста Принна в Праге.
- *1811* — первые раскопки на месте святилища Кевина Маршана (Табль-де-Маршан). Материалы, имеющие отношение к культу Древних, похищены.
- *1821* — Чарльз Леггетт переводит на английский немецкую версию Тайн Червя Людвиг Принна.
- *1849* — рождение Эмиля фон Юнтца.
- *1849-1859* — обнаружение библиотеки Ашшурбанипала Ормуздом Рассамом и начало её изучения.
- *Середина XIX века* — Тайны Червя в редакции аббата Бартелеми периодически появляются в продаже.
- *1869* — фон Юнтц защищает дипломную работу по теме «Шумерские начала в Каббале».
- *1878* — экспедиция фон Юнтца в Долину Царей (Египет).
- *1879* — выступление фон Юнтца в Берлинском географическом обществе.
- *1880* — знакомство фон Юнтца с Куртом Свенссоном, основателем The Great Black Lodge (Великой Чёрной Ложы).
- *1883* — начало реконструкции святилища Табль-де-Маршан.
- *20 августа 1890* — рождение Говарда Филлипса Лавкрафта.

- *15 сентября 1881 — весна 1896* — вторая экспедиция фон Юнтца.
- *Весна-лето 1896* — написание «Сокровенных культов».
- *1896* — после смерти Свенссона власть в The Great Black Lodge переходит к Иоганну Келленхейму.
- *1897* — третья экспедиция фон Юнтца и его смерть.
- *1901 или 1904* — The Great Black Lodge приобретает Книгу Дагона (оригинал и латинский перевод).
- *1909* — обнаружена часть дневников фон Юнтца о деревне оборотней.
- *1917* — Лавкрафт пишет первый рассказ, посвящённый Древним («Дагон»).
- *1919* — первое издание «Сокровенных культов».
- *1923* — обнаружена часть дневников фон Юнтца о скопцах.
- *Ок. 1932* — ван Дульц обнаруживает в Стамбуле оригинальный текст Людвиг Принна.
- *1932* — Тайны Червя Терция Цибелия изданы в частной типографии Лейпцига.
- *Между 1932 и 1939* — оригинальная рукопись Принна пропала.
- *Между 1934 и 1939* — второе издание «Сокровенных культов» с предисловием ван Дульца.
- *1994* — возникновение поддельного текста De Vermis Mysteriis на кодированной латыни.
- *Конец XX — начало XXI в.* — перевод Книги Дагона и Тайн Червя сперва на русский, затем на английский язык издательской группой A.M.C.Vendetta.
- *2006* — обнаружение «Библиотеки аль-Хазраджи».
- *2008* — начало работы над сводным русским переводом Аль-Азиф и приложений к нему под заголовком «Завет Мёртвых».
- *2009-2010* — завершение первой редакции Завета Мёртвых, её выход в свет сначала в электронном, а затем и в бумажном виде.
- *2011-2012* — начало работы над второй редакцией, исправленной и дополненной. Перевод в рамках системы Завета Мёртвых Книги Дагона, Тайн Червя и работ Эмиля фон Юнтца (в качестве приложений).

